

496
Г. САНДОМИРСКИЙ

ФАШИЗМ
И
МОЛОДЕЖЬ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY

RESEARCH REPORT

NO. 100

BY

1950

CHICAGO, ILL.

Г. САНДОМИРСКИЙ

352
496
W
N
2
3

ФАШИЗМ и МОЛОДЕЖЬ

2-ое исправленное и дополненное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЛ»
ЛЕНИНГРАД
УЛ. ДАВЫДОВСКОГО, 15
1925

XIV 50927

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925.

3-я ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ
«ТРАНСПЕЧАТН»
Петровка, Дмитровский, 9.
ГЛАВДТУ М 43128.
ТИРАЖ 5000 экз.

2007087659

ОТ АВТОРА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

О фашизме, который до последнего времени был мало известен в СССР, понемногу накопилась литература и у нас.

СССР—единственная страна в мире, свергшая господство капитализма,—не может не присматриваться с неослабным вниманием к этой попытке предателей рабочего класса, какими по преимуществу являются вожди итальянского фашизма, остановить борьбу международного пролетариата за свое освобождение и превратить Италию в оплот мировой реакции.

С глубоким волнением присматривается к международному фашистскому движению и наша молодежь, идущая в ногу с революционным рабочим движением всего мира. В социально-политическом отношении СССР и Италия в настоящий момент представляют собою антиподов. Каждый успех Советского Союза подрывает устойчивость фашистской диктатуры во всем мире. Нет у международного фашизма более страшного врага, чем российская революционная молодежь—передовой отряд рабочего движения всего мира. Этому аван-

гарду придется решить своими силами судьбу ближайших этапов Октябрьской революции, довершить дело старшего поколения и, следовательно, нанести смертельный удар международному фашизму.

Вот почему нужно, чтобы наша революционная молодежь хорошо изучила вражеский стан.

Этой брошюрой автор хотел внести и свою лепту в дело ознакомления нашей молодежи с фашистским движением, в частности, с колыбелью его—итальянским фашизмом.

Другая цель, которую преследовал автор своей брошюрой, это—зажечь в юных читателях ненависть и заслуженное презрение к тем жалким болтунам из рядов мелкобуржуазной интеллигенции, которые, подчиняясь духу времени, часто вступают в ряды рабочего движения со своими низменными эгоистическими целями и затем, внося в его ряды малодушие и разброд, открыто предают его. Автор хочет верить, что эти примеры отвратительного ренегатства еще усилят энтузиазм нашей революционной молодежи, помогут ей выработать в себе должный закал и умение разбираться в том, кто является другом или недругом трудящихся масс во всем мире.

Революционная молодежь—верный залог победы рабочего класса над фашизмом, возглавляемым ренегатами социализма и поддерживаемым предателями-реформистами.

Г. Сандомирский

КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Итальянский фашизм в настоящее время находится в состоянии развала. Его финансово-экономическая политика полностью провалилась, вызвав в стране глубокий, почти неизлечимый экономический кризис—и только на почве этого экономического кризиса мог принять такую острую форму политический кризис, вызванный непосредственно убийством популярного социалистического депутата Маттеотти.

Итальянский фашизм вряд ли сдаст свои позиции без боя. Уже теперь умы передового отряда итальянских пролетариев заняты мыслью о том, в какой форме может наступить свержение фашизма. Буржуазные партии, сейчас находящиеся в оппозиции, уже ведут спор о наследстве. Пролетариат вряд ли будет стоять со скрещенными на груди руками в решительный момент. С другой стороны, в рядах разлагающегося фашизма происходит расчленение на „правых“ и „левых“—так именуют себя откровенно-погромные элементы. Желая продлить свои дни, Муссолини и К^о—ко дню исполнившегося в марте сего года 6-летия со дня основания фашистской партии—вновь вытащили из-под спуда старый проект образования между-

народного фашистского интернационала и провозгласили Рим его центром. Но вряд ли удастся оживить итальянский фашизм притоком свежих сил со стороны. Сами вожди чувствуют, что он обречен на исчезновение.

С тем большим интересом приглядывается передовой отряд международного пролетариата к тому, что происходит сейчас в лаборатории социальной реакции.

Нет никаких сомнений, что в минуту решительного столкновения двух лагерей в Италии революционной итальянской молодежи придется вынести на своих плечах самую тяжелую часть борьбы.

Не останется безучастной и наша молодежь, связанная с ней общими революционными устремлениями.

Вот почему автор счел своевременным переиздание своей брошюры „Черные блузы“, уже давно распроданной. В текст вносятся существенные изменения: значительно сокращено изложение самой истории фашистского движения в Италии и за счет этих сокращений дано описание текущего периода движения. Изменена и самая структура брошюры: первая часть посвящается освещению итальянского фашизма вообще, вторая же часть посвящена настоящей и будущей роли революционной молодежи в борьбе с международным фашизмом.

Г. Сандомирский

AL MARTIRIO ED ALLA GLORIA
PER L'ESECUTO SUI ASSASSINIO
ASSURTO

GIACOMO MATTEOTTI

DEPUTATO AL PARLAMENTO ITALIANO

AMMONISCE ED INVOKA - DAI CITTADINI D'ITALIA
GIUSTIZIA - PACE

Наиболее популярное изображение Маттеотти в Италии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Общее положение Италии перед войной.—Земледельческие классы

Фашизм—одна из таких крупных проблем современности, незнание с которыми может послужить серьезной помехой в революционной деятельности любого из нас. Нельзя идти в бой, не будучи знакомым ни с силой врага, ни с его методами борьбы. Вот почему важно договориться до точного определения фашизма, вокруг которого ведется немало споров. Фашизм нельзя точнее определить в наше время, как открытого, беспощадного врага коммунизма, непримиримого врага социальной революции—проще, как антикоммунизм. На юге Европы, в прославленной некогда революционными традициями Италии, ему удалось построить цитадель международной реакции, превратившуюся в „опытное поле“ для реакционеров каждой капиталистической страны, пробить брешь в той революционной спайке западно-европейских рабочих, которая является вернейшим залогом их победы.

Никто не сомневается в том тесном родстве, которое существует между реакционными течениями в различных странах, равно как и в общности преследуемых ими целей. Однако, это обстоя-

тельство нисколько не освобождает нас от обязанности изучить те особенности или, вернее, те политико-экономические предпосылки, которые обусловили на время в Италии фашистскому движению такой ошеломляющий успех. Освещение международного фашизма равно ничего не выиграет от того, что мы станем прикладывать общую мерку к фашизму, разбухшему в Италии до весьма солидных размеров, и к фашизму, только что нарождающемуся в Америке.

Общность целей—установление капиталистической реакции—нисколько не мешает тому, чтобы фашизм чуть ли не в каждой стране обладал своеобразными организационными формами и тысячей всяких крупных и мелких особенностей, отличался от фашизма в соседних странах. Если понадобилась наличность определенных экономических и политических условий в России—разгром ее армии в империалистической войне и проч.—для осуществления социальной революции, то в меньшей степени необходимыми оказались и определенные социально-экономические предпосылки в Италии, чтобы обеспечить фашизму в этой стране столь исключительный успех.

Как известно, Италия примкнула к мировой войне значительно позже остальных членов Большой Антанты. Главным препятствием вхождения Италии в войну явилась ее принадлежность к тройственному союзу. Выступая на стороне Антанты против своих прежних союзников—Австрии, Германии—Италия, в случае разногласия с Антантой, рисковала очутиться в изолированном политическом положении.

Но препятствия к ее вступлению в ряды Антанты и участию в мировой войне не ограничивались этими политическими соображениями.

Италия,—несмотря на то, что она никогда не была в состоянии прокормить собственным хлебом своего населения,—является страной по преимуществу земледельческой. Попытки восполнить дефекты земледельческого хозяйства Италии усиленным развитием промышленности совпали как раз с довоенным периодом 1911—14 г. г. Французский капитализм к этому времени сделал большие успехи в деле проникновения в тяжелую промышленность Северной Италии; именно, он сыграл роль того фактора, который энергично склонял и правительство, и общественное мнение Италии к вступлению в войну на стороне Антанты. Но влияние антантовского капитализма было в Италии далеко не преобладающим. Германская промышленность, переживавшая в то время необычайный подъем и лихорадочно искавшая все новых рынков для сбыта своей продукции, обратила усиленное внимание в сторону Италии и в короткое время приобрела значительное влияние в ней. С германским капиталом были связаны крупнейшие торгово-промышленные предприятия, не говоря уже об успешном проникновении в Италию и германского финансового капитала, укреплявшего свое влияние, главным образом, через „Банка Коммерциале“ (Коммерческий Банк). Круги, связанные с германским капиталом, особенно энергично противились разрыву Италии с тройственным союзом и выступлению ее на стороне Антанты. В своей книге „Незамирная Европа“ один из решительных противников присоединения Италии к Антанте, тогдашний премьер Франческо Нитти, так объясняет свою позицию:

„Италии — говорит он,—на пути своего развития всегда приходилось бороться с большими трудностями... Занимая слишком узкую территорию,

к тому же покрытую горами и вообще недостаточную для своего усиленно возростающего населения,—Италия не раз была вынуждена прибегать к решительнейшим мерам для улучшения своего положения в этом отношении. Ей приходилось развивать свою промышленность в условиях гораздо более тяжелых, чем те, которые выпали на долю других государств. Она является почти единственной из всех великих держав, которым приходилось развивать свою промышленность при полном отсутствии угля и почти полном отсутствии железа в собственных недрах“.

Нитти и прочие сторонники „нейтральной“ позиции Италии справедливо опасались, что участие Италии в войне подорвет тот успех, который достигнут был итальянской промышленностью за последние 15 лет перед войной.

Все противники присоединения Италии к Антанте были убеждены в том, что в период принадлежности к тройственному союзу Италия создала почти всю свою нынешнюю промышленность, укрепила свое национальное единство и упрочила все свое хозяйственное положение.

Но если не дремали агенты германского империализма, одно время нашедшего могущественную поддержку в лице Ватикана и превратившего Италию в опорный пункт своей пропаганды, то, с другой стороны, и пропаганда в пользу Антанты велась в Италии достаточно усиленным темпом. Как теперь выясняется, зародившееся к тому времени в Италии патриотическое движение, впоследствии названное фашизмом, и уже тогда вдохновлявшееся бывшим социалистом Бенито Муссолини, призывавшим итальянцев к участию в войне на стороне Антанты,—было прямым орудием в руках французского капитала. Теперь уже

установлено, что первый личный орган Муссолини „Пополо д' Италия“, в котором он начал свою пропаганду, был основан на средства французских капиталистов, тесно связанных с операциями „Учетного Банка“ и заинтересованных в таких колоссальных металлургических предприятиях, как „Ансальдо“ и др., нажившие огромные капиталы во время войны. Из двух борющихся влияний победу одержало антантофильское, в результате чего Италия, связав свою судьбу с судьбами держав согласия, пустилась в рискованное предприятие. С уверенностью теперь уже можно сказать, что этот шаг обошелся Италии дорого. Союзники использовали дважды Италию для перевеса на поле брани над коалицией центральных держав, но очень плохо отблагодарили ее за понесенные колоссальные жертвы. „Несправедливость“ союзников, открыто обманувших Италию при дележе военной добычи, явилась одним из сильнейших агитационных мотивов, которые были использованы патриотами из фашистского стана.

И все же колыбелью фашизма, который, сбросив свою патриотическую маску, к 20-м годам уже превратился в откровенную „милицию класса“, упорно защищающую классовые привилегии капиталистов, следует признать земледельческую Италию, где классовые разногласия обозначались гораздо явственнее и резче, чем в городах.

Тот, кто не интересовался специально Италией, вряд ли может подозревать, что эта прекрасная страна, над которой раскинулось вечно лазурное небо, страна, являющаяся колыбелью классической поэзии и искусства, куда стремятся путешественники со всех концов земли—отличается с социально-экономической стороны удивительно слож-

ной структурой и представляет хитросплетенный клубок самых разнообразных форм хозяйственных отношений. Вообще, все народное хозяйство Италии представляется каким-то причудливым скрещением совершенно различных, порою весьма отдаленных одна от другой, стадий экономического развития человечества.

По данным официальной переписи за 1911 г., из $26\frac{1}{2}$ миллионов итальянцев старше 10-летнего возраста более 9 миллионов жили земледелием, в то время, как фабрично-заводская промышленность поглощала меньше 5 миллионов, а торговля — меньше 1 миллиона. Лихорадочный рост отдельных отраслей промышленности во время империалистической войны несколько изменил эту пропорцию, но все же и теперь земледелие продолжает занимать первое место в ряду основных занятий взрослого населения Италии. Среди земледельческого населения Италии следует различать три основные группы: землевладельцев, арендаторов разных калибров и сельско-хозяйственных рабочих. Что касается первой группы, годы войны в Италии вызвали в ней приблизительно такие же внутренние изменения, как и во Франции и ряде других европейских стран. Число мелких земельных собственников выросло за счет крупных помещиков, но, попрежнему, на юге Италии попадаются огромные латифундии, принадлежащие богачам-помещикам, среди которых есть немало постоянно проживающих за границей и никогда от роду не видевших своих владений. Зато на севере и сев.-востоке Италии число земельных собственников значительно выросло.

Италия является не только земледельческой страной по преимуществу, но и страной, в которой до сих пор оказываются удивительно живучими

самые отсталые формы землевладения. Так, среди второй группы земледельческого населения—фермеров или арендаторов—мы находим гораздо большее число половников (отдающих владельцу земли, вместо арендной платы, половину урожая зерна, плодов или овощей), чем фермеров, связанных с владельцем денежным арендным договором. По статистическим сведениям, собранным в 1911 г., денежных арендаторов в Италии насчитывалось 700 тысяч; половников—1.600 (цифры несколько округлены). Половников в Италии называют „меццадри“. Эти „меццадри“, разумеется, в свою очередь по степени экономического благосостояния делятся на несколько групп. Наиболее крепкие элементы из них стараются, как можно скорее, избавиться от вечной зависимости от своего помещика и, купив земельный участок, превратиться в мелких собственников. Крупные арендаторы (особенно на юге Италии), снимающие у владельцев латифундии все его земли целиком и переступающие ее в аренду мелким фермерам или крестьянам, называются „габелотти“. На юге эти „габелотти“ прославились особенно беззастенчивой эксплуатацией крестьян и батраков. Постепенно им удалось образовать обширный подкласс, по своим социальным признакам сходный с нашим крупным кулачеством. В период революционных бурь, время от времени охватывавших Италию, этот класс зажиточных арендаторов всегда занимал враждебную позицию по отношению к беднейшему, безземельному крестьянству и батрачеству.

Сельско-хозяйственные рабочие или батраки (по-итальянски: браччianti, что—в буквальном переводе—обозначает „продающие руки“) представляют собою многочисленную группу земледель-

ического населения. По данным 1911 года, сельскохозяйственных рабочих обоюго пола насчитывалось свыше 4 милл. человек.

Революционно-экономическая борьба батрачества и беднейшего крестьянства не только против помещиков, но и против наиболее зажиточного слоя — „меццадри“ представляет любопытнейшую страницу в истории новой Италии. Экономическое положение итальянского батрачества к началу империалистической войны было безотрадным до последней степени. По большей части, батраку не предоставляется даже жилья в поместьи или на ферме, где он работает. Браччианти принуждены, в сущности, вести кочевой образ жизни. Чаще всего они живут в предместьи города или местечках, куда возвращаются поздно вечером на ночевку и откуда рано утром им приходится плестись на работу, иногда верст за 8 или 10. Особенно тяжело положение сельско-хозяйственного пролетариата на юге.

Вот как описывает жизнь батраков или безземельных крестьян, вынужденных продавать свою силу землевладельцам, недавно побывавший в Сицилии французский публицист Морис Перно:

„В Сицилии совершенно отсутствуют благоустроенные деревни, так как там нет ни воды, ни дорог, ни полиции.

Мне приходилось проезжать верхом или в шабрабане по 30—50 километров, ничего не встречая по пути, кроме странных зданий ферм, похожих больше на крепости, лишенных окон и окруженных высокими стенами. Крестьяне и батраки живут в городах и ежедневно проделывают по двенадцати километров в оба конца, отправляясь на работу и возвращаясь с нее домой. Нужно присутствовать вечером, когда при закате солнца кре-

Устьяне и батраки возвращаются в какой-либо сицилийский городок, для того, чтобы как следует понять социальные и моральные условия, в которых приходится жить местному — земледельческому населению.

Бесконечная вереница мужчин и подростков — женщины в этой стране, некогда бывшей мусульманской, не работают в поле — проходит перед нашими глазами, при чем только немногие из них возвращаются домой на ослах или мулах, остальные идут пешком. У всех через одно плечо перекинута ружье, а на другом — кувшин для питьевой воды, которую они употребляют во время работы. Они несут на себе также все необходимые инструменты для работы; возвращаясь же домой, прихватывают еще вязанку дров, мешок с овощами или плодами. Каждый вечер можно наблюдать эту длиннейшую вереницу утомленных людей, медленно возвращающихся домой, нагруженных после долгого трудового дня тяжелой ношей и уныло напевающих родные песни. В Джирдженти я сделал попытку посетить жалкие лачуги, в которых они обретаются вместе с своими ослами, козами и курами, но запах в них стоял такой, что я тотчас же малодушно выскочил из первой“.

Бессменно чередующиеся одно за другим итальянские правительства начинают свои декларации с обещаний в срочном порядке провести все необходимые реформы на юге, но обычно этими же обещаниями дело кончается. Палата принимает дюжины срочных законопроектов, отпускает сверхсметные кредиты, но... для Сицилии ничего не меняется. У того же Перно мы находим по этому поводу ряд характерных фактов:

„Весной 1920 г., проезжая из Палермо в Трапани, я разговорился в вагоне железной дороги

с одним коммерсантом, направлявшимся в Марсалу который меня спросил: „А вы давно не были в Сицилии?“ — „Двенадцать лет“ — отвечал я — „Двенадцать лет только? — Как жаль! Вы, значит ничего нового у нас не найдете. Несколькоми обещаниями больше несколькими надеждами меньше — вот наш баланс. У нас, попрежнему, нет ничего: ни воды, ни шоссе, ни железных дорог, ни полиции, ни гигиены. Мы не сделали ни одного шага по пути цивилизации. И подумать только, что в Риме имеются люди, упорно отстаивающие свои права на обладание новыми территориями или, по крайней мере, на протекторат над ними, претендующие на управление другими областями, в гораздо меньшей степени итальянскими и к тому же гораздо беднейшими, чем наша, в которой нужно было бы так много сделать и в которой ничего не делают. Ах, если бы итальянское правительство сделало для Сицилии хотя бы десятую долю того, что французы сделали для Туниса“...

Мы не последуем здесь за дальнейшими рассуждениями Перно, ибо имеем все основания сомневаться в благодетельных последствиях французской цивилизации для тунисского населения. Приведем лишь наиболее красочные факты о Сицилии: в Алькало — городе с 40.000 населением — представляющем собою центр винодельческого производства, до сих пор нет питьевой воды; то же самое в Кальтанисетте — центре добывания серы. В 500 метрах от Кастро-Джиованни автор видел, как старуха с жадностью собирала в свой кувшин остатки грязной дождевой воды, сохранившиеся на склоне утеса. Дороги — ужаснее, чем в Малой Азии: они содержатся в невозможном состоянии, чуть ли не на каждом шагу пересекаются стремительными потоками... Унесенные этими потоками мосты никогда

и никем не восстанавливаются. Некогда лесистые горы сейчас совершенно обнажены, как скалы пустыни. Почти нигде нет регулярного почтового сообщения... Местная промышленность влечит самое жалкое существование. В мелочных лавках Палермо или Сиракуз продаются овощные консервы с английской маркой. Во всей Сицилии в 1920 г. был только один завод, занимавшийся добыванием и обработкой лимонной кислоты (в Германии их было 10), а между тем по количеству произрастающих в ней лимонов Сицилия—первая страна в мире“...

Если прибавить к этому почти полную безграмотность беднейшего населения, невежество, царящее и среди остальных слоев его, ловко эксплуатируемых католическим духовенством, то мы легко пойдем, как современный экономический строй Италии, в котором сохранились самые примитивные формы эксплуатации, свойственные самым отсталым странам с патриархально земледельческим хозяйством, сумел превратить благословенный сицилийский рай в ад для местного населения, несмотря на его безграничную выносливость и трудолюбие.

Время от времени в Сицилии и, вообще, на юге Италии загоралось пламя крупных аграрных восстаний, подавлявшихся, однако, с неумолимой жестокостью.

Последнее крупное восстание сицилийского крестьянства произошло уже при фашистском правительстве и было направлено целиком против него. Разумеется, политическое невежество сицилийского крестьянства наложило своеобразный отпечаток на это движение, в начале проходившее под весьма смутными лозунгами. Курьезно, что в некоторых местах крестьяне, выведенные из терпенья гнетом фашистского правительства, выступили с возгла-

сами: „Долой фашизм, да здравствует свобода, да здравствует король!“ Довольно странно должен почувствовать себя глава нынешнего правительства Италии, именем короля прикрывший всю свою авантюру. Из истории русского революционного движения мы хорошо знаем, чего стоит показательной „лойялизм“ восставших крестьян. На этот раз ближайшей причиной восстания в Сицилии явилась полная приостановка в Мессине, Реджио и других местностях юга общественных работ по распоряжению фашистского правительства. Корреспондент социалистической газеты „Аванти“ так характеризовал положение трудящихся масс Сицилии:

„Безработица свирепствует повсюду; всюду население страдает от острого недоедания. Ломбарды не принимают больше в заклад вещей за исчерпанием своей наличности. Прачечные по несколько месяцев стоят без работы, ибо население не может отдавать в стирку последней смены белья“...

Не трудно понять, почему, несмотря на крайнюю неясность и запутанность лозунгов, выставленных стихийными вождями малограмотного сицилийского населения, движение оказалось проникнутым острой ненавистью к фашизму.

Совершенно неслучайно первое стихийное восстание против фашизма было поднято крестьянами. Именно в итальянской деревне фашизм ранее, чем где бы то ни было, обнаружил свою классовую подоплеку. В то самое время, как в городах фашистские ораторы, старательно скрывая свою классовую физиономию и сущность своих классовых устремлений, выступали исключительно с патристическими лозунгами—в деревне, где всегда кипела борьба между крестьянами, с одной стороны, и помещиками с их ближайшими прихвостнями, с дру-

гой, фашисты выступали открытыми и активными сторонниками помещиков и буржуазии.

Экономическое положение крестьянства в северной и центральной Италии, если и отличалось от положения крестьянства на юге, то весьма незначительно. Следует отметить, что почти повсюду в Италии к отсталым формам отношений между помещиками и арендаторами, с одной стороны, и батраками и безземельными крестьянами, с другой, присоединяется еще и страшный бич безработицы, дававшей всегда землевладельцам возможность понижать заработную плату по своему произволу. Общее положение сельско-хозяйственных рабочих в Италии лучше всего характеризуется тем фактом, что по количеству эмигрирующей из нее рабочей силы Италия занимает первое место в Европе. Воспетый поэтами рай, доступный всем паразитам-туристам, приезжающим в Италию прожигать свои деньги и наслаждаться ее красотами — давно стал тесен для многих миллионов ее трудящихся сынов. И в то время, как океанские пароходы, нагруженные бездельничающими джентльменами и расфранченными леди, направляются к прекрасным берегам Италии, итальянские батраки, землекопы и ремесленники, с котомками на плечах, покидают свой живописный край и расползаются во все концы света в поисках работы...

В 1913 году, т. е. перед самой войной из Италии эмигрировало 900 тыс. человек. Эта цифра дает яркое представление о том, какую роль играет эмиграция в жизни Италии. Большая часть эмигрантов направляется в Северную и Южную Америку; там они проводят все свои лучшие годы и только на шестом или на седьмом десятке возвращаются на родину, где на привезенные дол-

лары обзаводятся хозяйством, домом и доживают свои последние дни.

Но эмиграция разрешала вопрос только для уезжающих. Остающимся в Италии приходилось вести упорнейшую борьбу за свое существование против помещиков и большинства фермеров и арендаторов, превратившихся в верных псов последних и оплот „частной собственности“.

И если крестьянин юга по своему темпераменту или мировоззрению является большим индивидуалистом, более религиозным и более подвержен ловким козням католических пропагандистов, а крестьянин и батрак севера настроены более коллективистически, то зато к их вековым угнетателям они объединены общей ненавистью.

Первые ростки социалистических организаций возникли среди батраков, живших, по большей части, многочисленными и тесно сплоченными группами. В провинции Романья социалистические лиги батраков возникают уже в период 1885—1890 годов. Их первой задачей явилось урегулирование распределения труда—единственное средство, которым в Италии можно хоть до некоторой степени смягчить действие ужаснейшего бича—безработицы. Постепенно крестьянские лиги занялись также вопросом об ограничении рабочего дня, введением единообразного тарифа заработной платы, а еще позже—проведением в жизнь коллективных договоров между помещиками и меццадри, с одной стороны, и сельско-хозяйственными рабочими, с другой. В условиях той беззастенчивой эксплуатации, в которой итальянские помещики и зажиточные фермеры сыздавна привыкли держать своих рабочих, эти попытки ограничить эксплуатацию при помощи коллективных договоров вызвали особую ненависть и озлобление против них среди

работодателей, поспешивших в свою очередь организовать в так называемые „аграрные лиги“, поведших ожесточенную борьбу с „красными лигами“ беднейших элементов деревни.

Борьба между красными лигами батраков и крестьян и лигами помещиков явилась, главным образом, той почвой, на которой в годы реакции расцвел фашизм, как боевой авангард капиталистической реакции, выступивший на защиту священных прав хозяев.

Нельзя отрицать, что война способствовала в Италии,—так же, как и в целом ряде других европейских стран,—значительной передвижке земельной собственности из рук помещичьей буржуазии в руки крестьян. Подъем революционного настроения в Италии в период 1918—1920 г., с другой стороны, несомненно, путем целого ряда частичных завоеваний значительно улучшил положение широких слоев итальянской деревни. Мало того, у забитого батрака и крестьянина стало зарождаться чувство собственного достоинства и веры в то, что, при помощи тесно-сплоченной организации, можно отстоять и это достоинство, и сравнительно сносные условия материального существования. Крестьянские лиги повели решительную борьбу со всякого рода штрейкбрехерством во время сельско-хозяйственных забастовок.

К тем помещикам, которые позволяли себе игнорировать постановления красных лиг, они применяли весьма могущественное средство бойкота. Дело не обходилось и без многочисленных актов экономического террора. Правая печать, справедливо напуганная грозным призраком приближавшейся социальной революции, завопила на весь мир о том, что, благодаря засилью красных лиг,

быть помещиком Италии становится невыгодным и рискованным. Оставалось либо сдаваться без боя, либо оказать энергичное противодействие работе революционных организаций. Как мы уже сказали, в лице фашистов итальянские помещики нашли верных и активных исполнителей своей воли.

К тому времени буржуазно-соглашательское правительство Италии, тоже напуганное призраком социальной революции, стало совершенно открыто оказывать всемерное содействие фашистским бандам, снабжая их оружием, предоставляя им для передвижения бесплатный транспорт, оставляя безнаказанными все их преступные действия.

Королевская полиция, вместо того, чтобы бороться с незаконной деятельностью фашистских банд, в лучшем случае, укрывала их, в худшем — содействовала их темным замыслам.

Почувствовав свою безнаказанность и значительную силу, фашисты начали кровавую расправу с революционным движением итальянского крестьянства. Излюбленным методом для них явилось снаряжение карательных экспедиций в провинциальную деревню. Они отправлялись обычно в сопровождении ближайших помещиков, дававших нужные указания, в такую деревню, по большей части ночью, разыскивали председателя местной лиги, социалистического кружка, рабочего или крестьянского кооператива, убивали их или, в худшем случае, тяжко избивали, а помещение лиги и социалистического кружка предавали огню. Вся деревенская Италия оказалась затопленной в крови в результате этих карательных экспедиций разнузданных молодцов из фашистских шак. Фашисты вели жестокую войну против всяких попыток крестьян и рабочих устроить сельско-хо-

заставляющую забастовать. Мало того, во многих местах они ввели для крестьянства нечто в роде крепостного права, заставляя их работать по 12—14 часов (вместо прежних 8) в сутки, на условиях, которые навязывались им помещиками. В других местах они заставляли крестьян насильно вступать в местные фашистские лиги или фашистские профсоюзы. Во время выборов в парламент или местные общинные управления они угрозами заставляли крестьян голосовать за фашистов. Они разгромили целиком крестьянскую и рабочую кооперацию, передав ее имущество в распоряжение фашистских кооперативов.

Нельзя перечислить всех издевательств, выпавших—по милости фашистов—на долю многострадального итальянского крестьянства. Можно только сказать, что господство фашистов в итальянской деревне вернуло ее к самым мрачным временам средневековья. От этого разгрома всяких крестьянских организаций итальянская деревня не оправилась еще до сих пор.

Такие убежденные враги итальянского фашизма, как социалистический депутат Маттеотти, зверски убитый фашистами летом 1924 года, воспитали в себе беспредельную ненависть к фашизму именно потому, что они стояли слишком близко к итальянскому крестьянству и к его борьбе против двойного ига—фашистов и помещиков.

Итак, разгром революционного движения итальянского крестьянства, отбросивший его на несколько десятилетий назад и значительно ухудшивший его экономическое положение—и явился первым этапом „широкой“ работы фашистской партии.

II

Судьбы итальянской промышленности.—Подъем рабочего движения.—Зарождение фашизма в городах

Своеобразная экономическая структура Италии особенно резко сказалась в глубокой вражде, сыздавна существовавшей между представителями сельско-хозяйственной промышленности и городской индустрией. Мы хорошо знаем, что борьба между этими двумя ветвями современного капитализма существует почти повсюду, но нигде она не достигала такого обострения, как в Италии, в особенности перед войной. В Италии это деление промышленности почти совпадает с географическим подразделением страны. Между земледельческим югом и фабричным севером сыздавна наблюдается крайнее соперничество, почти всегда заканчивавшееся победой последнего. Уже из того краткого очерка Сицилии, который дан в предыдущей главе, видно, как значительно отстал—и в хозяйственном и в культурном отношении—земледельческий юг от промышленного севера.

Если мы обратимся к работам видных исследователей народного хозяйства Италии, то мы убедимся, что, помимо ряда неблагоприятных географических условий, вызвавших эту отсталость юга, огромную роль в обострении этой борьбы между обоими видами промышленности в Италии сыграла специфическая политика итальянских правителей за последние десятилетия, предшествовавшие участию Италии в империалистической войне. В силу прочно укоренившихся традиций случилось так, что руководители экономической политики Италии сыздавна были сторонниками крайнего

протекционизма в отношении отечественной индустрии. Это значит, что они, не задумываясь, готовы были употребить все жизненные ресурсы страны на поддержку фабричной промышленности, которая в этой стране, лишенной угля, железной руды и прочих видов сырья, могла влачить лишь самое тщедушное, рахитичное существование. Совершенно ясно, что вся злосчастная колониальная политика Италии, принесшая итальянскому народу до сих пор лишь неисчислимые бедствия, была целиком продиктована желанием итальянского правительства притти на помощь отечественной промышленности путем отыскания для нее новых рынков сбыта. Безрассудное расходование государственных средств на поддержку рахитичной итальянской индустрии приносило непоправимый ущерб не только областям юга, на что они всегда громко жаловались, но и всему народному хозяйству Италии. Ожесточенная борьба, которую аграрии юга уже давно вели в прессе и в парламенте против такой политики правительства, не приводила ни к каким результатам. Юг продолжал оставаться пасынком, а север—излюбленным детищем правительства. Особенно страстные формы борьба эта приняла в Италии, в связи с налоговой политикой правительства. Землевладельцы юга не переставали указывать на то, что землю укрыть от обложения нет решительно никакой возможности, между тем как промышленникам севера доступны тысячи способов скрытия своих доходов—в результате чего вся тяжесть налогов падает на плечи земледельческого юга.

Однако, покровительственная политика итальянского правительства по отношению к городской индустрии дала весьма заметные результаты уже к концу истекшего столетия, выразившиеся в ее ли-

хорадочном росте. Но, разумеется, этот искусственный рост мог особенно усилиться лишь в начальный период мировой войны. Вот несколько цифр. Только за 4 года, а именно—в период между 1-м января 1914 г. и 1-м января 1918 г.—в Италии возникло 520 новых акционерных компаний. За тот же период основной капитал промышленных предприятий возрастает на 2 миллиарда лир. Федерация промышленников, образованная с целью защиты интересов крупной индустрии, путем давления на экономическую политику правительства, насчитывала в апреле 1918 г. около 400 крупных объединенных компаний. Впереди всех остальных отраслей городской индустрии, как это всегда бывает во время войны, разумеется, шла металлургическая промышленность. Разбухшая в разгар самой войны и вскормленная выгодными казенными заказами и субсидиями, металлургическая промышленность Италии—это балованное дитя итальянского правительства,—особенно тех его кругов, которые находились в сфере непосредственного влияния Антанты и ее дельцов,—получила возможность не только экстенсивного расширения, но и значительного улучшения системы производства, внутреннего оборудования и т. д. Одного примера будет достаточно, чтобы обрисовать колоссальный рост отдельных промышленных предприятий в этой отрасли во время войны. Пользующаяся до сих пор исключительным расположением правительства, металлургическая фирма „Ансальдо“ (принадлежит бр. Перроне) сумела в течение 1917 г. увеличить свой основной капитал с 30 до 100 миллионов лир, в 1918 году—со 100 до 500 милл. лир. О ростовщических барышах всех этих разбухших во время войны предприятий и не приходится

говорить. Итальянские „акулы“ военного времени перецеголяли в этом отношении капиталистов всех остальных европейских стран. Процессы о незаконных поставках, мошенническом счетоводстве, казнокрадстве, сокрытии прибылей и т. д. не прекращались в Италии до 1922 года, и только когда патриот и вождь фашизма Муссолини, взявший под свою высокую руку всех мошенников, эксплуататоров и казнокрадов, очутился у власти—он заставил специальную комиссию, занимавшуюся расследованием их темных делишек, прекратить свои работы.

Само сабою разумеется, что непосредственно за спиной скороспелых „королей“ итальянской металлургической промышленности стояли банки, прилагавшие все усилия к тому, чтобы число дутых предприятий в Италии росло. Им важно было только сорвать колоссальные барыши, нисколько не задумываясь над тем, какую картину будет представлять собою промышленная жизнь Италии после демобилизации.

К экономическим мотивам примешивались и чисто политические. В банковском деле Италии открыто конкурировали между собою обе коалиции воевавших держав. В то время, как влияние антантовских (особенно французских) капиталистов проникало в Италию через посредство известного „Учетного банка“, германский капитал действовал через „Коммерческий банк“, находившийся под особым покровительством тогдашнего премьера Джиолитти, чем и объясняется сопротивление, оказанное им первым попыткам втянуть Италию в войну.

Что касается рабочего класса Италии, то война принесла с собой временное улучшение общего его положения. Хотя эмиграция почти прекрати-

лась, но так как армия поглотила огромное количество народа, то мертвая петля безработицы несколько оказалась разжатой. Заработная плата значительно поднялась, хотя, разумеется, рабочим попадали лишь небольшие крохи от невероятных барышей капиталистов. Вместе с тем, империалистская война, не бывшая популярной даже среди всей итальянской буржуазии, а только той части ее, которая находилась под влиянием антантовских банков и субсидируемых ими газет, в значительной мере способствовала просветлению сознания рабочего класса. Но период крайнего напряжения рабочего движения в Италии совпадает с концом войны. Нужно сказать, что вообще в Италии, по сравнению с другими европейскими странами, эволюция рабочего класса совершилась с исключительной быстротой. Рост синдикального (профсоюзного) и социалистического движения отнюдь не соответствовал степени развития итальянской промышленности. Зато следует признать, что искусственное оживление промышленности во время войны нашло себе некоторое отражение в несколько поверхностном характере самого рабочего движения в Италии. С начала текущего столетия рабочее движение в этой стране разъедалось двумя тяжкими болезнями: большими успехами реформистов, старавшихся отклонить рабочее движение с пути непримиримой классовой борьбы, и сильной разобщенностью крайних элементов рабочего класса (анархистов, синдикалистов и максималистов, а впоследствии — и коммунистов) между собою, затруднявших создание единого фронта против капиталистов. Этими двумя болезненными явлениями в рабочем движении Италии и обуславливается отчасти тот головокружительный успех, который выпал на долю итальянского фашизма и

привел его, в конце концов, к захвату государственной власти. К своему поражению рабочее движение Италии шло, однако, длинным, извилистым путем.

Конец войны неизбежно должен был принести оживление классовой борьбы Италии, ибо то, что было только предположением в устах социалистических агитаторов и пропагандистов, предупреждавших о гибельных последствиях войны для трудящихся масс—стало фактом. Война не принесла Италии того, что ей обещали сторонники вмешательства в империалистскую бойню. Даже они, призывавшие рабочих идти на фронт во имя патриотических задач спасения Италии, должны были признать, что никакого экономического облегчения война не принесла. Они объясняли это лицемерным поведением союзников, нагло обсчитавших Италию при дележе. Но более передовые ряды рабочих понимают, что дело здесь не только в коварстве союзной дипломатии, но и глубокой классовой подоплеке каждой войны. Разочарование в результатах войны слилось воедино с мрачными предчувствиями и опасениями за будущее. Ни у кого не могло быть ни малейшей надежды на то, что капитализм может вывести Италию из тупика, созданного им же. Вместе с демобилизацией военной промышленности в воздухе вновь вырисовывался зловещий призрак безработицы. Рабочие пытались использовать период некоторого улучшения и материального благосостояния для того, чтобы обострить борьбу, но на верхах рабочего движения не все обстояло благополучно. Реформисты захватывали все больше и больше влияния и ставили на каждом шагу препятствия борьбе истинно революционных элементов пролетариата. Под влиянием реформистов социалистическая пар-

тия Италии отдавала огромнейшую часть своих сил и средств на парламентскую борьбу. Самый дешевый карьеризм свил себе гнездо в рядах социалистических вождей, принадлежавших, по большей части, к выходцам из мелкобуржуазной интеллигенции, не сумевшим достаточно успешно „пристроиться“ в другой какой-либо отрасли. (Впоследствии эти социалистические лидеры дали огромное число перебежчиков в лагерь фашистов). Внешний успех реформистского социализма был весьма значителен. Реформистами были захвачены в большом количестве места муниципальных и общинных советов, в школах, кооперативах и народных домах. Тем временем начинали приобретать большое влияние рабочие синдикаты, которые вмешивались в производство и контролировали все ведение дела. Капиталисты вопили о том, что они задыхаются от этого засилья социалистов, жаловались на то, что рабочие организации штрафуют их, подвергают бойкоту и творят свой собственный суд над провинившимися в их глазах капиталистами. Буржуазные газеты проливали крокодиловы слезы по поводу того, что „быть капиталистом в Италии становится все менее и менее выгодным“.

И, действительно, несмотря на скрытый саботаж вождей, италийский рабочий класс в период 1918—1920 г. г. развернул блестящую страницу борьбы с хищническим капитализмом Италии. Волна забастовок прокатилась по всей стране. На выборах в городские и сельские общины, а также в парламент, социалистическая партия одерживала все больший и больший успех. Рабочие синдикаты неотступно преследовали свою борьбу за уменьшение рабочего дня, увеличение заработной платы и контроль над производством.

Наиболее сильного напряжения классовая борьба в Италии достигает в августе—сентябре 1920 года. В ответ на требования, предъявленные синдикатом металлистов, известная автомобильная компания „Фиат“ ответила отказом. Отказ сопровождался угрозой локаутом. В ответ на эту угрозу рабочие объявили забастовку, охватившую почти всю металлургическую промышленность севера и приведшую, в конце концов, к захвату рабочими в этих городах фабрик и заводов. Победа пролетариата в России и завоевания Октябрьской революции к тому времени нашли себе живой отклик в Италии. Несмотря на влияние реформистов, отношение рабочих масс к Октябрьской революции было восторженным. Восставшие рабочие постарались использовать опыт нашего Октября во время захвата фабрик. Первым долгом они организовали охрану самих фабрик и имевшихся у них запасов сырья. Затем, организовали обмен сырьем между отдельными фабриками и заводами; сговорились относительно общей работы с высшим техническим персоналом предприятий, который, не в пример русской интеллигенции, почти поголовно выразил желание работать рука об руку с пролетариатом; был также организован прием заказов от разных ведомств и частных лиц. Одним словом, были приняты все меры к тому, чтобы захват фабрик и заводов не послужил даже на первых порах причиной промышленной разрухи в стране. Но, к сожалению, весь этот опыт длился недолго. Тогдашний премьер Джиолитти, прославившийся своим предательским отношением к рабочим, при открытом содействии реформистов-социалистов сумел сорвать движение, привлекавшее к себе внимание всего мира и обещавшее великолепные результаты. Как только движение охватило ряд фабрик и заводов,

Джиолитти задумал свой искусный план, решив на первых порах не прибегать к насилию. Все дело захвата фабрик и заводов сопровождалось лишь незначительным числом вооруженных столкновений между представителями власти и рабочими. Джиолитти избрал другой путь—длительных переговоров и закулисных махинаций. С одной стороны, получив поддержку в лагере реформистов, употреблявших все свое красноречие на то, чтобы доказать рабочим безрассудство затеянного ими дела, он сумел заставить рабочих согласиться на обещанный им контроль над производством, как на лучший исход разыгравшейся борьбы. Время же, ушедшее на переговоры и интриги, Джиолитти не терял даром. Он использовал его для усиления в срочном порядке военно-полицейского аппарата Италии и, таким образом, когда дело дошло до окончательной стадии переговоров, рабочие увидели себя вынужденными идти на соглашение с предпринимателем, ибо стоящее на их стороне правительство оказалось к тому времени уже значительно сильнее их.

Сорванное при помощи провокационной деятельности реформистов движение августа—сентября 1920 года и может почитаться началом упадка рабочего движения и одновременно моментом зарождения итальянского фашизма в городах. Но вожди фашизма хорошо учитывали то обстоятельство, что в городах Италии им придется иметь дело с гораздо более сознательным и организованным противником, чем крестьянство в деревнях. Они поняли, что в городах им придется проделать громадную „работу“ по разгрому крупных пролетарских организаций. Они понимали, что только совершенно обескровленный пролетариат Италии позволит им распоряжаться в Италии, как в завое-

ванной стране. И они начали это дело разгрома городских рабочих организаций, прикрываясь в первый период своей деятельности флагом итальянского национализма.

III

Фашизм под маской патриотизма. — Спор о Фиуме. — Роль д'Аннунцио. — Военно-патриотические организации

Жалобы итальянских патриотов на несправедливый дележ добычи, доставшейся Антанте в результате мировой войны, уже давно вошли в пословицу. И если они иногда и страдают преувеличениями, то все же, разбираясь в этом вопросе с самой объективной точки зрения, необходимо признать, что жертвы, понесенные Италией, а равно и удельный вес ее выступления на стороне Антанты, были весьма недостаточно вознаграждены. Военные специалисты утверждают, что судьба Франции и других членов Антанты была впервые спасена Италией 2-го августа 1914 года, когда она объявила сначала о своем нейтралитете. Трудно определить, каковы были бы последствия присоединения Италии к центральным державам, с которыми она была связана тройственным союзом! Заявление Италии дало Франции возможность сконцентрировать свои силы на северном фронте и обеспечить себе успех на Марне. Выступление же Италии на стороне держав согласия в мае 1915 года воспрепятствовало центральным державам использовать военно-техническую помощь австрийской армии. Нужно вспомнить лозунги, с которыми Италия вступила в войну на стороне Антанты. Главным лозунгом как будто бы явилось осуществление

старой „адриатической программы“¹⁾). Вторым лозунгом было желание исправить по национальному признаку итало-австрийскую и итало-германскую границы. Пропаганда ирридентизма, свившего себе гнездо в Триесте, Фиуме и других областях со смешанным населением на севере Италии, сыграла немаловажную роль в политической жизни Италии и была умело использована, как один из мотивов подстрекательства Италии к войне. Раздробление австро-венгерской монархии уже с самого начала войны входило в планы союзников, и потому третьим лозунгом итальянской дипломатии являлось—обеспечение границ Италии от будущих государственных новообразований.

Все эти три лозунга на самом деле не были в результате мировой войны воплощены в жизнь. К Италии были присоединены, в результате Версальского и Сен-Жерменского договоров, основные вехи которых были намечены уже в тайном Лондонском соглашении союзников 1915 года, Триест, Истрия, Зара, Горица и т. д. с прилежащими местностями. После долголетней тяжбы с Югославией как будто разрешен и вопрос о Фиуме. Соглашением, заключенным между обоими странами в начале 1925 года, границы Италии соответствующим образом обеспечены и исправлены. Все же „адриатическая программа“ итальянских патриотов до сих пор остается не осуществленной, а малевкая Албания уже по окончании мировой войны нанесла большой урон их самолюбию, когда заставила их в 1920 году очистить оккупированную Валлону.

Уже к концу мировой войны было очевидно, что, если бы даже все лозунги, выдвинутые

¹⁾ Программа, стремящаяся к овладению всем побережьем Адриатического моря.

итальянской дипломатией, преследовавшие чисто политические цели и не вносившие почти никакого улучшения в ее экономическое положение, были полностью осуществлены — Италия, официально числящаяся в рядах держав победителей, должна бы была считать для себя мировую войну проигранной: так велико несоответствие между понесенными Италией жертвами (почти целиком разоренной северной областью Венето и огромным числом выбывших из строя убитыми и ранеными) и теми ничтожными приобретениями, которыми ее вознаградили союзники. Если бы Америка понесла, пропорционально своему населению, такое же количество жертв, как и Италия, то она должна бы потерять 16 миллионов убитыми и выбывшими из строя!

Следует отметить, что итальянская дипломатия не проявила особенных талантов при ликвидации мировой войны. Разумеется, при том экономическом и политическом положении, в котором находилась Италия, вряд ли она могла бы заставить считаться с собой союзников только силами и дарованиями своих дипломатов. Но все же на международной конференции итальянские дипломаты проявили свою полную неспособность. Один из участников Парижской мирной конференции, Тардье, недавно рассказал в своих воспоминаниях о том, какую подчиненную роль на этой конференции играли итальянские дипломаты: „Делегат Италии Орландо говорил, вообще, очень мало. Разговоры велись, по преимуществу, тремя лицами: Вильсоном, Клемансо, Ллойд-Джорджем. Если же Орландо и заговаривал о чем либо, то исключительно о злосчастном Фиуме“.

Эту неспособность итальянской дипломатии Муссолини ловко использовал в своих целях в са-

мом начале своей деятельности. Прикрываясь патриотическим стремлением к возвеличению Италии, первые основатели фашистской партии и их „теоретики“ заявляли, что на их долю выпадает задача исправить все дипломатические неудачи прежних итальянских политиков, граничащие с явной изменой. В частности, Муссолини больше всего спекулировал на вопросе о Фиуме. В этом направлении ему оказал большое содействие известный итальянский поэт Д'Аннунцио, всегда отличавшийся склонностью ко всякого рода сумасбродствам.

Патриотические болтуны, одним из наиболее ярких представителей которых и явился Д'Аннунцио, сумели напустить такого тумана вокруг этого вопроса, что он на долгое время превратился в один из центральных пунктов внешней и внутренней политики Италии. На самом деле, значение Фиуме для Италии вовсе уж не так велико. Начать с того, что во время Лондонского совещания союзников 1915 г. ни одному из государственных деятелей Европы и в голову не приходило придавать особое значение этому вопросу. Упомянутая выше патриотическая шумиха привела к тому, что этот город с 50-тысячным населением и товарооборотом в 2 миллиона тонн служил попеременно яблоком раздора то между Италией и Америкой (Вильсон возбудил против себя ненависть итальянских патриотов тем, что высказался против присоединения Фиуме к Италии), то — между Италией и Юго-Славией. Одно время спор между обоими странами был разрешен тем, что город Фиуме оказался превращенным в независимое государство. Однако, пресловутые легионы патриота д'Аннунцио, войдя в Фиуме, разогнали Учредительное Собрание, заседавшее в городе, и провозгласили диктатором

сумасбродного поэта. Несчастному городу пришлось немало вынести от диктаторского правления д'Аннунцио, который, в конце концов, под давлением королевских войск, должен был убраться оттуда вместе с своими патриотическими бандами. Затем, приблизительно с 1921 года, фиуманский вопрос явился предметом длительных дипломатических переговоров между обоими странами, закончившихся лишь в начале 1925 г. Обе договаривавшиеся стороны признали, что „независимое государство Фиуме“ отныне перестает существовать. Город Фиуме отходит к Италии. Юго-Славии предоставляется, кроме города Суссака, отошедшего к ней ранее, еще порт Барос и дельта Энеос с прилегающими местностями, представляющими предместья Фиуме. Заключен еще ряд мелких соглашений экономического характера, связанных с фиуманским вопросом. В данный момент фиуманского вопроса, как такового, больше не существует. Нет никаких сомнений, что нынешний премьер Италии, упорно добиваясь разрешения этого вопроса, преследовал чисто политические цели. Ведь, Фиуме был тем патриотическим знаменем, под сенью которого фашизм впервые выступил на арену итальянской жизни, как высокопатриотическое движение. Под этим знаменем Муссолини выступал вместе с д'Аннунцио — пока фашизм не сбросил с себя лживой патриотической маски и не обнаружил себя, как явно реакционное движение, имеющее целью увековечение капиталистического строя и закабаление пролетариата. Здесь дороги Муссолини и д'Аннунцио разошлись. Как только Муссолини достиг власти, он выпустил легионы д'Аннунцио и принудил перейти его организации на нелегальное положение. Муссолини использовал фиуманское знамя для того, чтобы

привлечь в свои ряды инвалидов и бывших участников войны („мутиляти“ и „комбаттенти“), продолжавших еще гореть „священным пламенем“ лжепатриотизма. Из их рядов Муссолини набирал первые кадры своей партии. В ряды фашистских организаций потянулась мелкобуржуазная, а отчасти и рабочая молодежь, побывавшая на войне и отравленная удушливыми газами патриотизма. Многие из них, входя в партию, совершенно не подозревали ее реакционного характера, обнаружившегося впоследствии. Конечно, было и немало сознательных ренегатов, мстивших социалистической партии за личные обиды или неудавшуюся карьеру и сознательно перешедших на роль палачей рабочего класса...

Таким образом, итальянский фашизм начал свою борьбу под лозунгом „великих патриотических целей“. Отсюда ему нетрудно было впоследствии перебраться и на другие позиции.

Свою пропаганду фашизм начал с утверждения, отстаиваемого каждой военной партией, а именно— что страна, несмотря на окончание войны, попрежнему, должна держать наготове свою боевую мощь. Однако, успешная борьба за патриотические цели мыслима лишь в том случае, если прекратится классовая борьба между рабочими и хозяевами, иначе говоря—если интересы нации будут „поставлены впереди“ интересов классов. Люди, проповедующие классовую борьбу и усиливающие разнь „между итальянцами“, —т.-е. максималисты, коммунисты, анархисты,—являются врагами своего отечества и народа. С ними необходимо повести самую решительную борьбу. Если у правительства нет достаточной энергии, чтобы защитить целостность государственного механизма от покушений революционеров, за это должны взяться патриоты

и суметь противопоставить предательской бездеятельности правительства свою личную энергию и мужество. Если у правительства не хватает для этого необходимых сил и средств, патриоты сумеют создать свои собственные организации, а все „благомыслящие элементы“ страны, т. е. фабриканты, помещики, банкиры, судостроители, лавочники, зажиточная интеллигенция — отдадут на это свои средства и таланты. Со временем эти патриотические организации смогут превратиться в достаточно грозную силу, чтобы внушить страх не только внутреннему, но и внешнему врагу. Она может явиться той силой, которая, импонируя Антанте, вынудит ее пойти на дипломатические уступки Италии в смысле исправления несправедливых договоров. На первых же порах эти патриотические организации должны поставить своей задачей упорную борьбу со всеми элементами, стоящими на точке зрения классовой борьбы. Они должны встать открыто на защиту порядка и собственности.

IV

Бенито Муссолини, как основатель фашизма

Ренегаты социализма всех видов и оттенков существуют, как известно, во всех странах, но нигде их нельзя найти в таком подавляющем изобилии, как в Италии. Участие в социалистическом движении в период его расцвета одно время превратилось для представителей интеллигенции в лучший способ сделать политическую карьеру. Удачно написанная статья и произнесенная на митинге речь почти всегда обеспечивали кандидатам социалистической партии успех на выборах, а следовательно, и местечко в парламенте или муниципали-

тете. Ясно, что политическая карьера этих господ никогда не имела ничего общего с преданностью интересам рабочего класса. Кто из них, в силу личных переживаний и каких-либо иных причин, разочаровывался в социалистическом движении, тот с легкостью мотылька перепархивал в другой лагерь и становился одним из вождей патриотов.

Нынешний вождь фашизма, занимающий пост председателя совета министров Италии, Бенито Муссолини принадлежит именно к числу таких людей. Всю свою молодость он отдал на служение рабочему классу и считался одним из даровитейших вождей социалистической партии. Во всяком случае, он занимал место главного редактора партийного органа. В силу разногласий с некоторыми товарищами по редакции и по движению вообще, Муссолини выходит из партии и к началу мировой войны превращается в пылкого патриота, весьма способствовавшего вовлечению Италии в мировую бойню. Чтобы подтвердить свою проповедь личным примером, Муссолини отправляется на фронт, но здесь занимает весьма скромное место преподавателя военно-химических курсов. Во время практических занятий с солдатами Муссолини был ранен осколками случайно разорвавшегося снаряда, после чего он возвращается в место постоянного своего жительства — Милан, где уже продолжает свою патриотическую проповедь в качестве заслуженного ветерана. На этом незначительном эпизоде из биографии Муссолини стоило остановиться хотя бы потому, что его поклонники слишком часто упоминают о „высоких боевых заслугах“ своего вождя. Интересно, что необычайное самолюбие этого человека, послужившее главной причиной его ренегатства, уже давно бросалось в глаза лицам, которым приходилось

Муссолини

вступать в близкое соприкосновение с ним. Так, еще в 1912 году, т.-е. за 3 года до вступления Италии в войну, известный теоретик революционного синдикализма Жорж Сорель сказал о нем следующее: „Муссолини не является социалистом обычного типа. Верьте мне, вам еще, может быть, придется однажды увидеть его во главе какого-нибудь священного батальона отдающим честь своей шпагой итальянскому знамени. Это — типичный кондоттьери XV столетия. Никто не знает его еще по настоящему“.

Предсказание Жоржа Сореля оправдалось почти полностью.

Цинично изменив своим товарищам по борьбе и всему рабочему классу, Муссолини отвернулся от красного знамени и рабски склонился перед трехцветным национальным флагом Италии.

Свое личное разочарование в идеях социализма и особенно в революционном марксизме Муссолини, с помощью таких же ренегатов, как и он сам, попытался претворить в особую теорию, подчинявшую идею классовой борьбы пресловутой „любви к отечеству и народной гордости“.

Эта теория и получила в наше время громкое название фашизма. Происхождение свое это слово ведет от „фашио“. Так назывались первые ячейки патриотов, с организации которых начали свою деятельность Муссолини и его друзья. Слово „фашио“ в рабочем движении Италии уже давно получило большое распространение. Но когда-то, еще в период I Интернационала, „фашио“ называли революционные организации рабочих. Кузнец Александр Муссолини, родной отец нынешнего фашистского вождя, в свое время один из деятельнейших пропагандистов I Интернационала, основал много таких революционных ячеек — „фа-

шио" у себя на родине. Судьбе угодно было, чтобы сын Александра Муссолини явился организатором таких „фашио“, которые нельзя назвать иначе, как разбойничьими гнездами врагов рабочего класса.

Мы уже отметили, что в развитии итальянского фашизма следует различать два периода. В начальный период своей деятельности итальянские фашисты старались внушить трудящимся массам Италии такое представление, будто они являются борцами за поднятие внешнего престижа Италии и возрождение ее высоких национальных традиций. Во время описанного выше революционного брожения 1920 г. фашисты, первые группы которых были организованы Муссолини еще весной 1919 года, занимали по отношению к восставшим рабочим скорее позицию благожелательного нейтралитета. Только в одном месте произошло небольшое столкновение между забастовщиками и слишком яркими фашистами. Мы уже видели, что Джиолитти не имел возможности опереться на помощь городских фашистов при подавлении движения.

Но очень скоро Муссолини порывает с романтическими бреднями и уже совершенно открыто принимает на себя роль усмирителя рабочих и крестьян, восстающих против капиталистического гнета.

Основанная весной 1919 года и с самого начала руководимая Муссолини фашистская партия к началу 1921 года вырастает настолько, что начинает, с одной стороны, претендовать на значительное число мест в парламенте, а, с другой, все более и более превращается в мощную военную организацию, которая не позволяла бы „слабому правительству“ потакать революционному движе-

нию, а взяла бы в свои руки неофициальное, но зато фактическое управление страной.

Первым боевым крещением фашизма следует считать уже описанное нами выше выступление фашистов в феррарской и болонской провинциях, где при их помощи помещикам удается сломить сопротивление восставших крестьян.

С течением времени фашисты начинают свои выступления и против рабочих организаций в городах. Уже в начале 1921 года секретарь социалистической партии Маттеотти, зверски убитый фашистами в 1924 г., выступил в парламенте с докладом, в котором перечислил все зверства, совершаемые фашистами в Италии. Этого доклада, который явился первым резким публичным разоблачением разбойничьей деятельности фашистской партии, главари фашизма, очевидно, никогда не смогли простить Маттеотти... К началу 1921 года фашисты окончательно сбрасывают свою патристическую маску и объявляют открытый бой трудящимся массам Италии. Крамольными гнездами они объявляют уже не только крестьянские и батрацкие лиги, но и рабочие синдикаты, народные дома, кооперативы, секции, социалистические кружки, анархические группы, культурно-просветительные кружки, организации молодежи, редакции левых органов печати и т. д. В своем упорном и слепом преследовании всего, что так или иначе связано с самостоятельностью народных масс — фашисты не делают различия между революционно-настроенными социалистами, коммунистами, синдикалистами и анархистами, с одной стороны, и умеренными реформистами — с другой.

Благодаря огромным успехам реформистских идей в Италии, уже отмеченным нами выше, случилось так, что местами реформисты вызывали против

себя не меньше репрессий, чем революционеры. Впрочем, и тех, и других они преследовали с одинаковой неумолимостью и жестокостью, пользуясь той откровенной помощью, которую всегда оказывали фашистам буржуазно-соглашательские правительства Игалии, королевский двор и генеральный штаб, не говоря уже о денежной субсидии со стороны отечественного капитала. К этому моменту среди враждовавших доселе аграриев и промышленников установилось полное согласие по отношению к фашизму. За исключением некоторой части „либеральных“ промышленников и банкиров, стоявших за конституционный метод правления—именно потому, что, по их мнению, конституционная форма правления в гораздо большей степени обеспечивает прочность капиталистического строя,—и те, и другие, как только поняли, что фашизм является открытым застрельщиком имущих классов, одинаково ревниво оберегающим все то, что так или иначе связано с священной собственностью и неприкосновенностью их привилегий, стали оказывать ему всемерную поддержку.

Начиная с 1921 года, фашизм открыто превращается в партию организованных провокаторов и штрейкбрехеров, единственной задачей которой является срыв рабочего движения.

V

Программа фашистской партии. — Фашистский синдикализм

Мы, вообще, понимаем, что различные идеалистические факторы, например, личное влияние или энергия отдельных лиц—могли в развитии итальянского фашизма сыграть лишь подчиненную роль,—но до тех пределов, до которых челове-

ская личность может влиять на развитие исторического пути данного народа или класса, действительно, распростерла свое исключительное влияние незаурядная—в смысле физической энергии и необычайной настойчивости—личность Муссолини. Для фашизма бывший социалист и редактор центрального партийного органа, Муссолини явился не только большой рекламой, но и человеком, положившим все свои силы на усиление и организационное оформление фашистской партии. Многие из его товарищей—так называемые фашисты „первого призыва“—относились отрицательно к превращению фашистского движения в строго централизованную и организованную политическую партию. Они боялись, что устав даже фашистской партии сможет связать их по рукам и ногам и ограничит свободу их погромной деятельности. Все эти опасения они прикрывали трескучими разглагольствованиями на тему о том, что всякое движение, приняв легально-организационные формы, теряет свой революционный характер. Большую оппозицию в среде буйных голов основателей фашизма вызвала первая попытка со стороны Муссолини превратить фашизм в политическую партию, конкурирующую в борьбе за депутатские кресла с другими буржуазными партиями. Но Муссолини умеет властвовать в своей партии. Все выступавшие против него в рядах самого фашизма кончают, по большей части, тем, что в худшем случае их выбрасывают из рядов движения, в лучшем—они теряют свою популярность и подвергаются систематической травле на столбцах фашистского официоза, в котором наибольшим влиянием пользовались всегда Муссолини и его брат. С первых же дней фашистского движения в речах Муссолини отражалось твердое намерение превратить

фашизм в организованную буржуазную партию сначала, и в правящую—затем. Из всех фашистских вождей, Муссолини наиболее настойчиво стремился к организационному объединению рассеянных во всех концах Италии фашистов и выработке национального статута или программы партии.

Если мы обратим внимание на предисловие написанное Муссолини к „Статутам национальной партии фашистов“, то это не только уяснит нам его намерения, но и поможет бросить ретроспективный взгляд на развитие фашизма, как организованной политической партии. Так как предисловие к программе написано Муссолини в декабре 1921 года, то оно, следовательно, представляет собою итог „идейной“ эволюции фашизма за первые три года его существования.

В этом предисловии Муссолини отмечает, что программные лозунги первой группы фашизма были весьма несложны: отомстив за неудачи интервенции, расширить достижение победы, бороться против большевизма.

„К концу 1920 г.,—пишет Муссолини,—итальянский фашизм начинает приобретать размеры гигантского национального движения. Подобное развитие, имеющее характер молниеносного и чудесного, ясно сказалось в течение текущего года, который можно было бы назвать годом фашизма—поскольку вся политическая жизнь Италии—от парламента до улицы и газет—была почти одержима фашизмом“.

Отсюда, по мнению Муссолини, и явилась необходимость попытаться, осознав всю политическую ответственность фашизма, создать программу. Муссолини жалуется в своем предисловии на необычайную трудность в какой бы то ни было программе согласовать теорию с практикой (мы пони-

маем, что для фашистов, ничем, кроме разбоев, карательных экспедиций, избиений и разрушения национальных и партийных учреждений, не занимавшихся, эта задача оказалась особенно деликатной), — вот почему сам Муссолини готов признать, что программа фашистов и ее устав в том виде, в каком они действуют сейчас, меньше всего напоминают собой шедевр.

„Вряд ли есть необходимость, — говорит Муссолини, — заявлять, что фашистская программа не есть догматическая теория, не допускающая никаких дискуссий об ее пунктах. Наша программа находится в постоянной переработке и переделке. Она подвергается непрерывному пересмотру. Единственный способ сделать ее жизненной заключается именно в этом“.

И далее Муссолини садится на излюбленного конька, доказывая, что вся соль фашистской программы заключается в „моральной подготовке“ ее членов. Он благоразумно умалчивает о том, что эта моральная подготовка сводится лишь к обучению револьверной стрельбе и умению владеть остроконечной дубинкой, но гордо заявляет:

„Мы в достаточной степени благоразумны, чтобы воздержаться от уверения в том, будто спасение Италии зависит исключительно от осуществления нашей программы. Мы не страдаем этой нелепой манией величия. Фашистская программа есть программа серьезная, честная, заглядывающая далеко вперед и чуждая демагогических лозунгов. Она не избегает конкретных задач (еще бы, эту конкретную работу фашистов почувствовали на своей спине трудящиеся массы всей Италии, против которых и направлена целиком вся погромная деятельность фашистов), доходит даже до мельчайших статистических исследований, но вместе с тем

и возвышается до цельного представления об Италии, для которой с Виторио Бенето (победа над австрийцами, с которой не перестают носиться, как с писаной торбой, и до нашего времени фашисты) начинается новый период ее истории“.

Свое предисловие Муссолини, давно, очевидно, наметивший в своих собственных планах дальнейший ход деятельности партии, заканчивает парой весьма туманных дипломатических фраз:

„Великая миссия и великая ответственность стоят перед итальянскими фашистами. Фашизм внедряется все более глубоко в жизнь нации. Бесплезно заранее распространяться о будущем развитии фашистского движения“.

Вся последующая деятельность Муссолини дает полное основание предполагать, что эти слова были написаны человеком, уже тогда решившим, что для спасения Италии ему необходимо занять пост премьер-министра!

Если мы захотим вкратце передать главнейшее содержание фашистской программы, то мы получим ряд следующих положений:

1. Государство, в глазах фашистов, представляется юридическим воплощением нации. Поэтому политические установления страны являются для них приемлемыми формами лишь постольку, поскольку национальные ценности находят в них выражение и защиту.

2. В компетенцию парламента входит ряд проблем, которые, на самом деле, должны подлежать компетенции специальных технических совещаний, а следовательно, права и функции, предоставляемые парламентам в настоящий момент итальянской конституцией, должны быть значительно ограничены.

3. Государство должно быть суверенным, и его суверенитет не может и не должен быть затронут

церковью, которая в свою очередь, должна пользоваться в своей деятельности полной свободой.

Что касается рабочих синдикатов (профсоюзов), учрежденных фашистской партией в целом ряде отраслей промышленности, откуда им удалось путем угроз и насилий вытеснить революционные профсоюзы, то основная программа их деятельности заключается в борьбе за частичные экономические завоевания для рабочих, но при одном условии, чтобы борьба за эти завоевания велась не по линии классовой борьбы, а, напротив, исходила из принципа солидарности между отдельными классами в целях торжества национального начала.

Точно таким же духом проникнута вся программа фашистской партии по рабочему движению.

Так, пункт 5-й, посвященный рабочей политике фашистской партии, гласит:

5. „Фашистская программа выдвигает следующие положительные требования в пользу рабочих и служащих: а) государственный закон, санкционирующий 8 часовой рабочий день, — однако, с возможными отклонениями, вызываемыми неотложными нуждами фабричной промышленности или земледелия; б) социальное законодательство, гарантирующее рабочим обеспечение от дряхлости и последствий несчастных случаев (опять-таки с оговоркой: поскольку от этого не пострадают интересы производства); в) представительство от рабочих в управлении каждого предприятия, ограниченное областью, касающейся личного состава предприятия“ и т. д.

Что касается финансово-экономической программы фашизма, то она изложена в следующих пунктах:

6. Развитие мелкой собственности во всех тех областях хозяйственной деятельности, в которых это может обусловить их большая производительность.

9. В области финансовой политики и экономического возрождения страны фашисты намерены добиваться: а) оздоровления государственного баланса путем сокращения состава административных органов и строжайшей экономии в их расходах; б) сокращения всяких субсидий или привилегий со стороны государства консорциумам, промышленности, кооперативным и другим предприятиям, оказавшимся неспособными к самостоятельному существованию (ниже мы убедимся, что осуществление этого пункта Муссолини начал с... противоположного, а именно—с предоставления субсидий обанкротившимся фабрикантам); в) упрощения налогового аппарата и перераспределения налогов без предоставления льгот той или иной категории (т.е. отмены пропорционального начала в налоговой системе и возложения одинакового бремени налогов на капиталистов и рабочих, помещиков и батраков); г) сокращения общественных работ, устраиваемых, по большей части, по мотивам избирательного характера (иными словами, сокращение борьбы с безработицей и всеми страданиями, которые это бедствие приносит рабочему классу Италии).

Мы опускаем ряд пунктов финансово-экономической программы, очевидный смысл которых заключается в сведении счетов с партиями, стоявшими у власти до перехода ее к фашистам, и ограничимся лишь приведением самого важного принципа, который лучше всего характеризует физиономию фашистов, как открытых наемников крупного капитала. Этот пункт гласит: „д) стремле-

ние к передаче в руки частных предпринимателей телефона и железных дорог, а также отказ от монополий почты и телеграфа в том духе, чтобы частная инициатива могла совершать и при случае вполне заменить государственную службу" (это и есть единственный пункт экономической программы, который Муссолини поспешил с необычайной быстротой провести в жизнь, как только власть очутилась в его руках).

10. Наиболее выпуклым во всей программе фашистов представляется раздел, озаглавленный „Основные положения социальной политики“. Вкратце он сводится к следующему: „Государство признает за частной собственностью социальные функции“... „Национальная партия фашистов стремится к такому строю, который, побуждая личную инициативу и энергию, способствует накоплению национального богатства при абсолютном отказе от всяких запутанных, дорого стоящих, антихозяйственных махинаций, связанных с национализациями, социализациями, муниципализациями и т. д.“.

Мы не станем останавливаться на пунктах, посвященных внешней политике. Внешняя программа фашизма ясна из предыдущего очерка истории фашизма. Несколько пустых и глупых фраз, заключающихся в этих пунктах, все-таки обращают на себя внимание: „Фашизм не верит в жизнеспособность Лиги Наций или красных, белых и желтых интернационалов“. Или: „Нужно облагородить дипломатический корпус Италии, которому поручается защита величия Италии“...

Что касается внутренней программы, то о ней тоже говорить излишне. История бесконечных фашистских зверств, обогривших кровью трудящихся поля и города Италии, и изложенная, например, в таком издании, как книга в 400 стр.,

изданная социалистической газетой „Аванти“ и представляющая собою лишь голый перечень фашистских злодеяний — есть лучшая характеристика „внутренней программы“ фашистов.

VI

Организационная структура партии. — Фашистская милиция

Национальная фашистская партия управляется следующими органами: 1) Национальный совет, 2) Центральный комитет, 3) Правление, 4) Генеральный секретариат.

Первичной формой фашистской организации являются так называемые „связки“ (фашио), т.-е. группы фашистов, насчитывающие не меньше двадцати членов. Связки еще иначе называются секциями партии. Там, где не имеется налицо двадцати членов, могут быть образованы меньшие группы, именуемые подсекциями. Во главе каждой связки имеется заведующий и политический секретарь. Связки в каждой провинции объединяются в провинциальные федерации, которые, в свою очередь, поддерживают связь между собой.

Национальный совет партии составляется из членов центрального комитета и политических секретарей, выдвигаемых провинциальными федерациями. Он представляет собой орган, контролирующий деятельность фашистских связок на местах. Обычно национальный совет собирается раз в шесть месяцев, но может быть созываем и в чрезвычайном порядке.

Центральный комитет партии выбирается национальными конгрессами, при чем полномочия его действительны в промежутках между двумя конгрессами. Основная задача центрального коми-

тета — общее направление деятельности партии. Центральный комитет инструктирует места, дает директивы парламентской фракции, принимает необходимые дисциплинарные меры в отношении отдельных членов и органов партии. Центральный комитет является также единственным органом партии, призванным, на основании постановлений конгрессов, формулировать те или иные программные положения, а также вносить и те быстрые изменения в деятельность фашистской партии, которые могут потребоваться в промежутке между конгрессами. Комитет собирается раз в три месяца, не считая чрезвычайных случаев. Для быстрого выполнения своей работы центральный комитет пользуется еще правлением партии и генеральным секретариатом. Правление партии во всех областях, за исключением установления норм политического характера, пользуется теми же правами, что и центральный комитет, и так же, как и он, избирается национальным конгрессом. Генеральный секретариат состоит из генерального секретаря партии, двух политических вице-секретарей, одного административного секретаря, не считая технического персонала. Генеральный секретарь партии обычно назначается центральным комитетом по представлению правления. Он находится в постоянной прямой зависимости от обоих этих инстанций, дает директивы делегатам на местах, секретарям провинциальных федераций и отдельных связок, намечает и вербует пропагандистов и несет ответственность за дисциплинированную работу всего служебного персонала партии.

Таковы общие черты партийной структуры фашистов. Было бы слишком обременительно и, пожалуй, бесполезно для читателя знакомиться с более детальным устройством местных ячеек, про-

винциальных федераций и т. д., и т. п. Отметим лишь, что при каждой местной связке имеются еще так называемые „компетентные группы“. Эти группы ставят своей целью объединение местных наиболее интеллигентных и способных фашистов, чтобы, как гласят статуты партии, сделать возможным изучение любой проблемы—политической, экономической, социальной, интересующей всю нацию или только данную местность, провинцию или коммуну. Эти группы изучают каждый такой вопрос в предварительном порядке и являются чем-то в роде ученых экспертов в собрании... громил местной связки. Связка не имеет права ставить вопросов в порядок дня, если по нему нет предварительного заключения „компетентной группы“.

Гораздо интереснее ознакомиться с тем, как организованы военные силы фашистов, обеспечившие им осенью 1922 года победу над правительством Факта.

Основной ячейкой боевой мощи фашистов явились так называемые „боевые кадры“. Приводим здесь те пункты фашистской программы, которые относятся к образованию этих ячеек:

1. Каждая связка обязана сконструировать боевые кадры для единственной цели—воспрепятствования насилиям со стороны противников и защиты по требованию высших органов партии, важнейших интересов нации.

2. Все фашисты входят в боевые кадры. Главной инспекции кадров надлежит своевременно отдавать приказы в целях лучшего использования всех элементов боевых кадров. Каждый боевой отряд собирается под присвоенным ему знаменем.

3. Каждый боевой отряд избирает из своей среды, в согласии с правлением своей связки, одного командира.

4. Там, где имеется несколько кадров, командиры отдельных отрядов указывают правлению связки одного главного командира.

5. В политическом отношении кадры подчинены правлению каждой связки; в дисциплинарном отношении — своему командиру.

6. Все боевые кадры подчиняются приказам, исходящим от главной инспекции, организуемой при Секретариате партии.

7. Кадры составляют вместе со связками одно неделимое целое, — поэтому не должно допускаться конструирование автономных групп, соперничество между властями и т. д.

Смесь присущего фашистам пустого краснобайства, фанфаронства, лицемерия и цинизма представляет собой так называемый „дисциплинарный устав“ фашистской милиции. Он слишком, однако, пространен для того, чтобы преподносить его читателям целиком, но все же любопытно ознакомиться с отдельными перлами этого устава. Характерными являются следующие пункты:

1. Фашистская партия всегда представляет собою милицию.

2. Фашистская милиция — на службе у господ бога и итальянского отечества. Она приносит присягу следующего содержания: „Во имя бога и Италии и во имя всех павших в битвах за величие Италии, я клянусь посвятить себя исключительно и без всяких оговорок благу Италии“.

3, 4, 5 и 6 пункты гласят о необычайной доблести фашистского воина, всегда удерживающей его от компромиссов, о дисциплине, одинаково

обязательной и для офицера и для солдата фашистской милиции.

Пункт 7-й, содержащий высокопарные рассуждения о „морали“ фашистского воина, стоит того, чтобы его привести целиком:

„Фашистский солдат обладает своей особой, только ему присущей, моралью. (Еще бы! В этом не могут сомневаться крестьяне и рабочие, жилища которых подожжены или разорены, их жены и дети, не говоря уже о них самих, избитых до полусмерти!) Предписания общей морали, относительно семьи, политических и социальных отношений, не имеют для него никакого значения. Для него, как и для рыцарей прежнего времени, единственным законом является честь, — закон, ведущий человека все выше и выше по пути совершенства, все же остающегося для него недостижимым, — закон всемогущий, суровый, граничащий с абсолютной справедливостью и обязательный для него даже тогда, когда он противоречит формальному, письменному закону, всегда стоящему ниже его“.

Не менее характерен и 10-й пункт, наглядно вскрывающий то обстоятельство, что главной целью фашистов всегда являлась борьба с внутренним классовым врагом (крестьяне и рабочие), а не с внешним, парадные тирады по адресу которого должны были лишь служить для отвода глаз. Дело в том, что, по уставу, фашистская милиция изгоняет из своих рядов нечистых, недостойных и предателей.

В 10-м пункте разъясняется, кого следует причислять к нечистым:

„... К нечистым относится и тот, кто проявит какую-либо слабость характера, кто не использует всех имеющихся в его распоряжении средств для

мужественного нападения на внутренних, явных или тайных, врагов Италии, того, кто не сумеет в борьбе с этими врагами встать на принцип — жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, руку за руку, поджог за поджог, удар за удар, рану за рану, того, в ком хоть сколько-нибудь поколеблется вера, в душу которого внедрится малейший скептицизм или сомнение в момент, когда военное выступление уже предпринято“ и т. д.

Но, разумеется, материальная мощь фашистской милиции заключалась не в этих пунктах о своеобразной фашистской морали, дисциплине, средневековом рыцарстве и т. д. (хотя, при помощи этих понятий, им и удалось одурачить большие кадры молодежи — не только помещичьего, но иногда и мелкобуржуазного и даже рабочего происхождения), а в той реальной поддержке, которую фашистская милиция получала от правительства и имущих классов. Теперь уже ни для кого не секрет, что фашисты имели много своих генералов в военном министерстве и генеральном штабе, которые в любой момент снабжали их нужным вооружением, передавали им все содержимое складов регулярной армии. Многие офицеры и генералы регулярной армии одновременно — из патриотизма или из желания пополнить свой заработок — состояли на службе и в фашистской милиции, где им, конечно, присваивались высшие чины и выплачивались более крупные оклады. Такие генералы и офицеры никогда, конечно, не задумывались над тем, где кончаются их функции чинов регулярной армии и начинаются партийные обязанности, как фашистов. Они то и представляли истинную мощь фашистской милиции. Достаточно вспомнить, какую огромную роль

в фашистской милиции сыграл генерал Диаци, впоследствии военный министр. Гражданские власти, конечно, тоже не отказывали фашистам в своем благосклонном содействии. Карабинеры, королевская гвардия и тайная полиция всегда, по приказу служащих им правительств, оказывали фашистам деятельную поддержку. Если в деревне происходила какая-либо стычка между фашистами и левыми, то виновные фашисты почти никогда не отыскивались полицией; левых же они всегда находили и передавали судебным властям или сами сажали под арест. В случае нападения на данную местность карательной экспедиции, организованной фашистской милицией, местная полиция в лучшем случае держала „благородный“ нейтралитет, обычно же оказывала всемерную поддержку погромщикам. Поведение местных властей проявлялось особенно ярко во время выборов, когда фашистской милиции удавалось иногда держать в осаде целый округ и наводить панический ужас на население до тех пор, пока выборы не кончались в их пользу.

И все же, — надо отдать справедливость энергии и изобретательности руководителей фашизма, — они сумели использовать для увеличения своей популярности в стране и некоторые психологические особенности итальянского народа, как например, его любовь к красивым и пышным зрелищам.

В фашистской милиции самое деление на „легионы“ и „центурионы“ было заимствовано из римской армии. Честь отдается фашистскими воинами и начальниками тоже по римскому образцу. Фашисты перенесли в свою милицию все, что было театрального и напыщенного в римской армии. Знамена и значки отдельных мелких частей („гайардетти“) всегда пестры и привлекают взоры зевак. Музыка играет исключительную роль „в походах“

фашистов, равно как и дикие воинственные и не всегда понятные выкрики. Черные рубашки, в которые одеты фашистские воины, должны представлять собою одновременно эмблему простоты, скромности и суровой решимости.

Фашисты — нужно признать — большие мастера на всякие театральные представления, смотры, пышные маневры и т. д. Их парадные выступления резко отличаются от будничной погромной работы, — и в тот самый момент, когда где-нибудь в глухой деревушке они избивают беззащитных членов крестьянской лиги, часто вымазывая после экзекуции их лица сажей и вода несчастных с веревкой на шее по главным улицам селений, — они умеют организовывать пышные празднества где-нибудь в Риме или Милане в ознаменование трехсотлетия со дня рождения Данте и декламируют на них трескучие стихи, в которых доказывают, что Данте был... провозвестником современного фашизма!

VII

Расцвет фашизма.—Черный „октябрь“

Начало 1922 года следует признать эрой наибольшего расцвета фашистского движения. Промышленный кризис, значительно усилившийся после войны, породивший безработицу, обесценивший итальянскую лиру, привел к экономическому обесилению и истощению рабочего класса. Промышленная буржуазия сочла этот момент весьма удобным для наступления на рабочий класс. Повсюду стали закрываться фабрики и заводы, а на предприятиях, продолжавших работать, велась ожесточенная борьба за отобрание у рабочих тех завоеваний, которых они добились в годы ре-

волюционного подъема. В целом ряде промышленных городов капиталисты объявили локаут; везде производилась беззастенчивая чистка предприятий от революционных элементов. Фашисты проникли всюду. Речи их ораторов становились все более и более дерзкими. Они аннулировали своими погромными действиями избирательные успехи социалистов в целом ряде городов и общин. Их влияние в парламенте выросло; они развили сильную конкуренцию с левыми партиями в рядах профессионального движения, принявшись за повсеместное насаждение желтых синдикатов. Не все ушедшие в фашистские синдикаты являются предателями рабочего движения. Это особенно можно было наблюдать в итальянской деревне. После разгрома ряда крупных крестьянских восстаний в итальянской деревне стал безраздельно царствовать фашистский террор. В некоторых местностях, как, например, в провинции Мантуи фашистам удалось восстановить крепостное право. Фашисты не удовлетворились этим. Они постарались внедриться в самую гущу повседневных интересов крестьянства и батрачества и в их отношения с местными помещиками и арендаторами, а также использовать в своих интересах временные противоречия между интересами трудящихся двух соседних областей. Фашисты прибегали, например, к следующим приемам: предположим, что в данной области объявлена забастовка сельско-хозяйственных рабочих; помещики, разумеется, немедленно обращаются за содействием к фашистам. Фашисты снаряжают карательную экспедицию и пытаются усмирить забастовщиков на месте, но если им это не удастся, они в том же составе, на тех же помещичьих грузовиках, вооруженные при содействии ближайшего гарнизона, отправляются в смежные провинции,

где не только нет забастовки, но где батраки жаждут работы. Они перегоняют этих батраков под собственным эскортом в ту местность, где происходит забастовка, и заставляют их играть роль штрейкбрехеров. Справедливость требует сказать, что не всегда в таких случаях фашистам приходилось прибегать к насилиям. Истощенные долгой безработицей, не видя никакого просвета, забитые батраки не всегда склонны были направлять свои мысли в сторону классовой солидарности. Таким образом, фашистам часто удавалось одновременно достигнуть двух целей: помещиков они избавляли от мрачных последствий сельско-хозяйственной забастовки, а в глазах изголодавшегося безработного люда часто приобретали ореол бескорыстных благодетелей. Главная же выгода фашистской партии заключалась в том, что им удавалось вносить раздор и вражду в ряды трудящихся, солидарность которых могла сулить их собственной партии лишь гибель и разложение. Прodelывать подобные эксперименты фашистам удавалось не только в деревне, но и в городе. Разумеется, тем наиболее отсталым и забитым элементам городского пролетариата, которых им удавалось завлечь в свои синдикаты, не было ни малейшего дела до идеологии фашистского синдикализма, которая заключается в отрицании классовой борьбы и замене ее солидарностью между предпринимателями и рабочими. Их могли привлечь туда лишь мелкие временные выгоды. Приблизительно теми же причинами объясняется временный успех в рабочей среде. Если на юге Игалии успех народно-католической партии можно приписать религиозному мракобесию, господствующему и поныне среди невежественного крестьянства, то на севере и в центре успех католической пропаганды в рабочей

среде объясняется, главным образом, тем, что народно-католическая партия энергично отстаивала всегда мелкие экономические требования рабочих и, вместе с тем, восставала против фашистского зверства. Следует отметить, что в период расцвета фашистского движения, за исключением революционных партий (социалистов, коммунистов и анархистов), из всех буржуазных партий Италии только одна, народно-католическая, энергично выступала против фашистской тирании, за что часто терпела такие же преследования, как и социалисты. Ее стойкость (или, вернее, выдержка ее вождей) зато изменила ей на некоторое время в момент перехода государственной власти к фашистам; но об этом ниже.

Все остальные буржуазные партии, за исключением народно-католической, откровенно ухаживали за фашистами. Ухаживали за ними и официальные власти. Особенно много симпатий фашисты приобрели в рядах буржуазной интеллигенции, некогда произносившей напыщенные речи в пользу „великих начал демократии“, а затем рьяно примкнувшей к фашизму. Огромный успех фашистская партия приобрела среди лиц так называемых свободных профессий. Если мы обратим внимание на нынешний состав центрального комитета фашистской партии, то мы убедимся в том, что на $\frac{3}{4}$ он состоит из ученых, профессоров, адвокатов, докторов и т. д.

Фашизм для одних стал верной ступенью к блестящей карьере, а для других прибежищем от голода и безработицы. Он привлек к себе многих неудачников, озлобленных и жаждущих мести, а также многих разочаровавшихся в революционном движении или пострадавших от него. Фашизм открыл собою в Италии эру неслыханного рене-

гатства. Во главе фашистского движения стоят вчерашние социалисты различных оттенков. Ближайшим другом самого Муссолини и, как утверждали, самым злым гением всей фашистской партии до последнего времени являлся бывший синдикалист Микеле Бианки. „Теоретики фашизма“—Церболио, Гранди, Гравина и другие бывшие социалисты. Массимо Рокка,—правда, ныне исключенный из партии за свои оппозиционные выступления,—бывший анархист. Благодаря фашизму и тому моральному разложению, которое он внес в страну, в Италии теперь никто не удивляется тому, что люди меняют свои убеждения гораздо чаще, чем перчатки. Студент, уходящий утром из дома социалистом, возвращаясь домой, спокойно объявляет родным, что он записался в университетскую группу фашистов. То же происходило и с целыми организациями, иногда с рабочими кружками, синдикатами и т. д.

Не нужно, однако, думать, что это разложение охватило поголовно все элементы крайних партий. Например, многие оставались в Италии стойкими революционерами, и никакими насилиями их нельзя было заставить изменить своим убеждениям.

Следует, однако, признать, что помимо всех политических разногласий, разделявших отдельные течения внутри социалистической партии, а также социалистов от анархистов и синдикалистов,—все революционные партии Италии повинны в крупной тактической ошибке. Может быть, нам гораздо легче судить теперь об этом, в результате всего происшедшего в Италии,—все же это необходимо отметить, особенно теперь, когда в целом ряде европейских стран реакционеры начинают организовываться по типу фашистских партий Италии.

Эта тактическая ошибка революционных партий заключалась в том, что они недооценили значения военной организации фашистов. Первые боевые отряды фашистов, организовавшиеся у них на глазах, ничего, кроме насмешки, с их стороны не вызывали. Им не приходило в голову, что при открытой поддержке правительства и буржуазных партий фашистские военные организации смогут со временем превратиться в фактор, имеющий решающее значение в политических судьбах Италии. Долгое время им не приходило в голову организовать в какой бы то ни было форме сопротивление этим боевым отрядам. Разумеется, в такой тактической ошибке больше всего повинно реформистское крыло социалистической партии, все свои надежды в борьбе с фашизмом основывавшее на успехах избирательной борьбы. Такая ошибочная тактика и привела к тому, что, параллельно с избирательными успехами социалистов на выборах в муниципалитеты и парламент, росла сила фашистских боевых отрядов, которые постепенно принялись за аннулирование всех легальных достижений социалистической партии. Ошибочной тактике не в малой степени содействовала и укоренившаяся не только среди реформистов, но и социалистов, настроенных более революционно, вера в демократические свободы Италии и во всемогущество парламента. Они видели все безобразия фашистов, видели, что правительство и буржуазия не отказываются от роли сообщников фашистов, но, будучи воспитаны в атмосфере строго легальной борьбы, они не могли представить себе, что фашисты могут, перешагнув через черту легализма и надсмеваясь над их хваленной демократией, совершить государственный переворот в свою пользу. Между, тем дальнейшие события

показали, что фашисты лучше этих социалистов поняли следующую незыблемую истину: политические судьбы страны решаются в зависимости от соотношений в ней активных общественных сил.

И некоторые революционные элементы, учуявшие всю грозную опасность, которую нес с собой фашизм, с первых же дней попытались противопоставить боевым отрядам фашистов собственные военные организации. Разумеется, люди, почуявшие эту необходимость, не принадлежали к депутатам парламента или прочим высокопоставленным социалистам. Эта мысль родилась в рабочих кварталах и среди крестьянской бедноты, непосредственно на себе почувствовавших плоды фашистской тактики. Во многих местах образовались так называемые отряды „красных ардити“ („ардити“ по-итальянски соответствует нашему „ударник“). Эти красные ударники, к сожалению, были не особенно многочисленны. Кроме того, полиция, бывшая на услужении у фашизма, яростно преследовала их. В то время, как к услугам фашистских войск были правительственные арсеналы, красные ударники могли приобретать оружие лишь на свои рабочие гроши, подвергая себя, вместе с тем, риску тюремного заключения за хранение его. И тем не менее, рабочая молодежь, входившая в состав красных отрядов, не раз проявляла необычайное мужество в схватках с более многочисленными и лучше вооруженными отрядами фашистской молодежи. Можно только пожалеть о том, что, несмотря на все многочисленные препятствия, которые встречало дело активного сопротивления фашистов, самая идея организации красных ударников не получала должного распространения в среде италийских революционеров.

Между тем, фашисты, не удовлетворяясь усп-

хами в отдельных стычках или карательных экспедициях, пытались всеми мерами закрепить свое влияние в стране. Не было ни одной области общественной и политической жизни Италии, которую они оставили бы без своего вмешательства. К началу 1922 года стало ясно, что, несмотря на незначительное число депутатов, которым они по сравнению с социалистами располагали в парламенте, фашисты стремятся к тому, чтобы сделаться правительственной партией. Любопытно, что в 1922-м году наша делегация, прибывшая на Генуэзскую конференцию, получила присланную ей центральным комитетом фашистов резолюцию, гласившую, что фашисты постановили, учитывая все значение возобновления торговых сношений с Россией, не препятствовать деятельности нашей делегации, при условии, что она не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь их страны. И действительно, за исключением одного случая, не имевшего прямого отношения к деятельности нашей делегации, фашисты исполнили свое слово и никаких неприятностей делегации не причинили. Это свидетельствовало, несомненно, о том, что в то время дисциплина в рядах партии фашистов стояла настолько высоко, что никакие самочинные выступления против делегации не могли иметь места.

Какую же роль играло в описываемое время итальянское правительство? Во главе его стоял Факта, бесцветная личность, один из наименее способных учеников старого интригана и прожженного парламентского дельца Джиолитти. Факта гордился тем, что он не принадлежит ни к какой партии и якобы отнюдь не является врагом рабочего класса. Этот маленький человек силился сохранить свою политическую карьеру тем путем, что избегал всегда каких-либо ответственных заявлений. Об

этом легче всего судить по его поведению на Генуэзской конференции, где он за все время не произнес ни одного слова, которое в каком-либо отношении могло бы связать итальянское правительство. С одной стороны, ему удалось не прогневить Антанты, по отношению к которой он вел себя достаточно рабски, но не произнес и ни одного враждебного слова по отношению к Советской России. Приходится только удивляться безграничной глупости (или цинизму) тех деятелей реформистского социализма в Италии, которые в самый разгар фашистского движения мечтали о вступлении в блок с правительством бесцветного и ничтожного Факта. Кажется, и слепому было ясно, что „нейтралитет“ кабинета в борьбе между фашистами и рабочим классом в Италии выливался все более и более в форму скрытого пособничества первым. На глазах этого жалкого правительства происходили громадные бои между фашистами и незащищенным населением городов, имевших несчастье попасть к ним в опалу. Правительство совершенно бездействовало, а в худших случаях оказывало помощь фашистам, если они сами не могли справиться со своими противниками.

Это жалкое правительство во главе с марионеткой Факта бесстрастно наблюдало, как фашисты всяческими насилиями заставляли уходить в отставку социалистических мэров. Фашисты хвастали, что за последние полтора года им удалось путем избиений и всяких надругательств заставить сложить свои полномочия свыше 500 мэров социалистов, а если в каком-нибудь городе или общине социалистический совет отказывался подать в отставку, фашисты врывались силой в помещение совета, револьверами и дубинками разгоняли муниципальных советников, на место которых сажали

своих. Мы не знаем ни одного случая, когда правительством Факта были бы за это применены какие-либо репрессии к фашистам.

Разумеется, жалкие болтуны из стана реформистов разыгрывали лишь неудачную комедию, уверяя, что они могут договориться с правительством Факта для общей борьбы с... фашистами. Впрочем, это было не только жалкой болтовней, но и позорной изменой.

С весны 1922 года почти вся деятельность фашистов была направлена на подавление забастовочного движения в Италии. Расправа с отдельными мэрами, социалистическими или коммунистическими депутатами не приносит, видимо, фашистам полного удовлетворения. Они хотят захватить влияние также в рабочей среде. С этой целью они не только вошли в фашистские синдикаты, но и инсценировали даже ряд фашистских забастовок.

Конец июля 1922 года показался Муссолини удобным временем для того, чтобы предпринять окончательный поход против рабочего класса Италии. Гнет фашизма, с одной стороны, локауты, безработица и все растущая дороговизна, с другой, побудили рабочий класс резким выступлением добиться хоть некоторого улучшения своего невыносимого положения. К тому времени в рабочей среде становилась популярной идея единого фронта. Под именем „Союза труда“ была образована временная коалиция рабочих партий, в которую вошли социалисты, коммунисты, Всеобщая Конфедерация Труда, часть анархистов и республиканцев. Эта коалиция решила сначала предложить правительству Факта положить конец позорной безнаказанности фашистов и воздействовать на них в смысле прекращения фашистского террора. Правительство ответило уклончиво. Тогда центральный комитет

Союза Труда постановил объявить всеобщую забастовку в Италии. Муссолини, узнав об этом решении, не нашел необходимым скрыть своей радости. В нем проснулась не только душа ренегата, но и опытного провокатора. Он сказал: „Пусть-ка они сделают забастовку! Это как раз то, что нам нужно. Мы нанесем им окончательный удар. Мы готовы“.

Объявление забастовки послужило началом гражданской войны, закончившейся победой фашизма. Несмотря на разгром целого ряда рабочих организаций и ту панику, которая была внесена в рабочую среду фашистским террором, лучшие элементы революционеров Италии все же питали надежду, что им удастся успешно довести до конца забастовку. Эти надежды казались близкими к осуществлению в первые дни. Ненависть к фашистскому гнету зажгла энтузиазмом мужественные сердца передозых рабочих, которых фашистские преследования могли только закалить в борьбе. Были дни, когда казалось, что забастовочное движение охватит всю страну. Впервые за три с половиной года фашистского владычества революционеры могли, наконец, показать фашистам, что они не являются единственными хозяевами в стране. Попрежнему, однако, реформистские вожди и плетущиеся за ними массы оказались для названного блока тяжелым балластом, потопившим судно.

Муссолини, между тем, тоже не дремал. Он решил во что бы то ни стало использовать эту схватку фашистов с рабочим классом для того, чтобы установить в Италии фашистскую диктатуру, и принялся за подавление забастовки всеми находившимися в его распоряжении средствами. Прежде всего, фашисты, вместе с их ближайшими союзниками — националистами, обратились с воззванием

к государственным служащим и рабочим, в котором призывали их „сбросить с своей шеи иго политиканов“, по словам фашистов, занимавшихся эксплуатацией масс в свою пользу. В этом же воззвании они обращаются к правительству, которому дают сорок восемь часов для приведения в повиновение „тех, кто пытается разрушить самое существование нации“. Далее, они заявляли, что если правительство не выполнит своего долга, „фашисты займут место государства, бессилие которого будет лишним раз доказано“. В своей речи, произнесенной в гор. Сартано, Муссолини повторил то же самое: „Если правительство не прикончит забастовку, ее прикончат фашисты!“

Фашисты постарались связаться со всеми элементами рабочего класса, деморализованными их террором и готовыми играть штрейкбрехерскую роль.

Наиболее могущественное сопротивление фашистам было оказано рабочими Милана, несмотря на то, что этот город являлся резиденцией самого Муссолини, и потому, конечно, туда были брошены фашистами лучшие силы.

Когда на сторону фашистов открыто перешли правительственные войска и полиция, фашистам удалось разогнать миланский муниципальный совет, состоявший из социалистов, и водрузить трехцветное знамя на здании городской думы. Это было 3-го августа. 9-го же числа фашисты завладели генуэзским фортом, где до тех пор всегда пользовались безраздельным влиянием красные синдикаты моряков. Не героизм фашистов, которого не может быть у этих людей, привыкших всегда нападать в большинстве и преимущественно на безоружного противника, привел к победе Муссолини

над забастовщиками, а плохо замаскированное пособничество правительства. Оно же привело его, в конце концов, к власти.

Тем временем, среди революционного блока рабочих партий разногласия все усиливались. Реформисты тянули всех в болото сотрудничества с явно предательским кабинетом Факта. Дело кончилось тем, что находившаяся, главным образом, под влиянием реформистов Всеобщая Конфедерация Труда вышла из состава рабочего блока и тем сорвала забастовку. Парламент был также терроризован успехами Муссолини, убедившись на практике в том, что за Муссолини стоит гораздо более реальная сила, чем за правительство.

Муссолини не стал терять даром времени; вместо того, чтобы обнаружить хотя бы малейшую благодарность по адресу Факта, обеспечившему ему успех в борьбе с красными, Муссолини стал открыто требовать роспуска Палаты, которая, по его словам, „перестала уже представлять общественное мнение страны“. У Факта, между тем, не было никаких оснований надеяться на то, что новые выборы обеспечат правительству успех; поэтому он категорически отказал в этом требовании. Тогда Муссолини выступил с новым требованием. Он потребовал смены кабинета. В новом кабинете фашисты должны были получить несколько портфелей. Переговоры в этом направлении начались; они велись с Джиолитти, Саландра, Орландо, но не привели ни к каким положительным результатам.

Между тем, наиболее горячие головы в фашистских рядах стали уверять более трезво настроенного Муссолини в том, что пришло удобное время для захвата государственной власти в руки фашистов целиком. Муссолини колебался. Успех карательной экспедиции фашистов в Трентино, где им

Удалось провести ряд мер, вопреки воле правительства, ободрил вождей фашизма настолько, что они начали открыто поговаривать о свержении кабинета Факта силой. По имеющимся сведениям, это решение было принято окончательно на тайном совещании вождей фашизма, имевшем место в Милане 6-го октября 1922 года под председательством самого Муссолини. Фашисты давно носились с мыслью „похода на Рим“. Эти слова стали любимым лозунгом фашистов. Его не всегда понимали в буквальном смысле. „Поход на Рим“ означал поход фашистской партии против расслабленного аппарата государственной власти, не сумевшего-де удержать на должной высоте национальный престиж Италии. На этот раз был решен поход на Рим в буквальном смысле этого слова. Разумеется, фашисты, как народ практический, предварительно заручились содействием видных начальников регулярной армии. Так, на секретном заседании 6-го октября было решено, что генералы Фарра и Чеккерини, наиболее популярные в итальянской армии, примут командование над двумя колоннами фашистской армии, которые двинутся на Рим различными путями. Маленький факт, рисуемый, однако, до какой степени, к тому времени уже установилось тесное сотрудничество между фашистами и регулярной армией: так, на этом же собрании было решено, что оба генерала отправятся в поход со всеми им присвоенными знаками отличия, однако, прикрепленными не к военному мундиру, а к черным рубашкам. Все военные диспозиции были окончательно решены на специальном тайном совещании 15-го октября, в котором участвовали виднейшие представители итальянского генералитета.

20-го сентября, в день национального празд-

ника, Муссолини выступил в Удине с пространной речью, в которой заявил, что программа фашистов в настоящее время может быть изложена в 4-х словах: „*Мы хотим управлять страной*“. В этой же речи он заявил, что раз навсегда отказывается от всякого преклонения перед массой, которая представляет собою не что иное, как сырую глину в руках художника-скульптора; из этой глины скульптор может вылепить все, что ему вздумается.

После речи в Удине события пошли ускоренным темпом. 20-го октября Муссолини созвал в Неаполе конгресс и здесь произвел смотр фашистской милиции, которой было в городе около 40 тысяч человек. Как тогда же было установлено, огромную поддержку неаполитанскому конгрессу оказало правительство, разрешив всем участникам конгресса и смотра бесплатный проезд по железной дороге. В гостинице „Везувий“, в Неаполе, состоялось историческое заседание фашистских главарей, решивших, что настало время вступить в переговоры с трусливым Факта по вопросу о передаче им власти в течение 48 часов. Было решено также, что в случае отрицательного ответа правительства, фашистские легионы будут немедленно двинуты на Рим. Но старый конспиратор Муссолини не удовлетворился этим, а организовал чрезвычайную „пятерку“, которая должна была взять на себя руководство революционными лицами. Он предложил войти в состав этой пятерки д'Аннуцио, но последний отказался. 26-го октября лидер правой части либеральной партии бывший премьер Саландра, по поручению фашистских главарей, отправился к Факта потребовать от него выхода в отставку. Король, находившийся в то время в провинции, спешно вернулся в Рим.

27-го октября туда же прибыл Муссолини, но на его требование полной отставки кабинета правительство ответило отказом. Еще через сутки Муссолини отдал приказ о всеобщей мобилизации фашистских войск. Со всех концов фашисты начали продвигаться — где по железным дорогам, где на грузовиках, а то и пешком. По словам фашистской газеты, Рим оказался обложенным с трех сторон якобы 120 тыс. вооруженных фашистов, но левые газеты уверяли, что это — ложь и что к моменту опереточного „взятия“ столицы у ворот ее находилось не свыше 30—40 тыс. человек. При этом те же газеты добавляли, что все фашисты, участвовавшие в походе на Рим, были, кроме принадлежащих им револьверов, еще вооружены и карабинами правительственного образца.

С другой стороны, правительство продолжало получать тревожные вести. В ночь на 27-е октября Факта был осенен мыслью, наконец, объявить осадное положение во всей стране, и в связи с этим отдал соответствующий приказ префектам городов и местечек. Историки фашистского переворота, пытающиеся представить его в виде настоящей революции, уверяют, что Факта не сомневался в солидарности с ним короля, который, однако, решил, что фашисты являются единственной партией, могущей поднять еще престиж Савойского дома, и отказался подписать декрет.

Чтобы сохранить видимость сопротивления фашистам, правительство, после отказа короля провозгласить осадное положение, приняло несколько мер, которые даже настроенные дружественно к фашизму журналисты называли детскими. Кое-где, впереди Рима, были устроены проволочные заграждения. У входа на некоторые мосты были поставлены конные стражники, совершенно беспомощ-

ные перед любой группой в 5 человек. Было также решено закрыть ворота Рима. Но все это было, конечно, жалкой комедией, ибо в то же самое время король, получив отказ от Саландра организовать кабинет, послал телеграфное предложение о том же Муссолини и даже отправил за ним в Чивита-Веккия два автомобиля из королевского гаража.

30-го октября Муссолини в форме фашистского генерала, с гордой миной грозного победителя, явился в Квиринал, заявил королю, что он „возвращает в его руки великую Италию“ и, по приглашению короля, в течение 6-ти часов сформировал новый кабинет. Фашистский октябрь был завершен.

VIII

Итоги пребывания фашистов у власти.—Убийство Маттеотти

Ни о чем так не любят говорить фашисты, как о своей „революции“. На самом деле, никакой революции не было. Более трусливые элементы буржуазии добровольно передали свою власть в руки более решительных и наглых ее элементов. В этом — смысл итальянского октября.

Различие между русским и итальянским октябрём особенно красноречиво проявилось в том, как отнеслась к перевороту буржуазия всех европейских стран. Русский октябрь вызвал у Антанты одну слепую ненависть, заставившую правительства Антанты организовать вмешательство в русские дела и оказывать всемерную поддержку русской белогвардейщине. Весть же о фашистском октябре наполнила сердца западно-европейских капиталистов глубокой радостью. Вот почему правители

Антанты ответили на телеграмму Муссолини, извещавшую их об образовании фашистского правительства в Италии, в самых изысканных выражениях. Вот почему федеральный совет самой отвратительной из всех „демократических“ республик в мире, Швейцарии, в свое время изгнавший Муссолини из пределов республики за „опасную социалистическую пропаганду“, поспешил теперь послать Муссолини приветственную телеграмму с извещением о том, что декрет об его изгнании аннулирован и что республиканские власти с удовольствием примут на своей территории итальянского премьера, как дорогого, именитого гостя.

Итальянский фашизм превратился в „опытное поле“ неограниченной буржуазной диктатуры для всего мира, — точно так же, как для трудящихся масс путеводной звездой стала Советская Россия, в которой пролетариат, несмотря на все выпавшие на его долю неслыханные муки и лишения, сбросил с себя ярмо буржуазии.

Все, что проделано было фашистским правительством за 2¹/₂ года, только подтверждает верность сказанного. Каждый шаг, каждое мероприятие фашистского правительства отмечены преданностью интересам имущих классов и мстительной ненавистью к трудящимся. Фашисты, выступавшие на первых порах против всякой классовой борьбы, на самом деле, поставили впереди всего интересы только части нации, — а именно привилегированных классов.

Фашистское правительство нашло для себя даже итальянских националистов, от имени которых они выступали вначале, стеснительными попутчиками.

Как это уже было отмечено нами выше, фиуманское движение Муссолини ликвидировал самым

мирным образом: он просто разогнал легионы д'Аннунцио и заключил соглашение с Юго-Славией.

Если обратиться к первым речам Муссолини, произнесенным в парламенте, то мы в них, помимо откровенного обещания согнуть в бараний рог всякую оппозицию, найдем еще его предеказания о том, что фашистское правительство вскоре превратит Италию в обетованную землю, но уже спустя 3—4 месяца в речи, произнесенной Муссолини в сенате, в связи с ратификацией международной Вашингтонской конвенции и Санта-Маргеритского соглашения между Италией и Юго-Славией, Муссолини нашел достаточно смиренные слова для характеристики своей внешней программы: „Дипломатия всего мира—в том числе и большевистская—сохраняет осторожность и выдержку, продиктованную мнительностью. Я не вижу никаких оснований для итальянской дипломатии в этом отношении отличаться от других...“

Нашумевшее столкновение с Грецией летом 1923 года, в котором такую большую роль сыграл личный задор Муссолини, на самом деле, было лишь гордым жестом, скорее уронившим, чем поднявшим внешний престиж Италии. Это понял и Муссолини. С тех пор дипломатия фашистского правительства ничем не отличается от внешней политики прежних правительств. Италия не поднялась—благодаря истерическим воплям фашистских крикунов—на степень первостепенной державы, имеющей равный голос при решении международных вопросов с такими членами Антанты, как Франция или Англия. Попрежнему,—как это было при „изменнических правительствах“ Джиолитти и Нитти,—итальянская дипломатия, по большей части, идет в фарватере английской. Последняя попытка Италии укрепить свое положение на Бал-

канах,—в связи с декабрьским переворотом в Албании,—а также несомненное участие в попытках организации антисоветского блока на Балканах,— все это, конечно, продиктовано мининделом реакционного английского кабинета Чемберленом, который чуть не на первой неделе своего пребывания у власти поспешил навестить Муссолини. Отказ консервативного кабинета Англии от утверждения прошлогоднего женеvского протокола о международных гарантийных договорах, несомненно, еще более „сблизит“ итальянскую дипломатию с английской, поскольку у Муссолини, начиная еще с итало-греческого конфликта, отношения с Лигой Наций никак не налаживаются. У Муссолини вырвалось даже подходящее объяснение его скромной позиции в делах внешней политики. В одном из своих интервью он пытался оправдать свою уступчивость в области внешней политики следующим образом: „Не надо забывать, что я не только лидер партии, но и премьер. В качестве лидера фашистов, я отношусь отрицательно к этим договорам и считаю ратификацию их нелепой. Но, в качестве премьера, я вынужден пойти на это“.

В области внутренней политики сложнейшим вопросом явился вставший перед Муссолини вопрос о взаимоотношениях с другими партиями. Что касается коммунистов, максималистов и социалистов,—Муссолини объявил им беспощадную войну. Их печать была ликвидирована. На членов революционных организаций посыпались всевозможные репрессии легального и полуполигального характера. Правительство арестовывает их и гноит по тюрьмам, разгоняет собрания, а фашистская вольница довершает дело правительства самочинными репрессиями и насильственным вливанием

касторового масла и всеми прочими мерами, которыми они заслужили славу итальянских опричников.

Что касается реформистов, то самые циничные элементы из них, вроде д'Арагона, в первый же момент фашистской победы попытались забежать с заднего крыльца к новому премьеру и предложить ему свое сотрудничество, — но Муссолини категорически отклонил всякие соглашения с реформистами. Он предоставил этим жалким предателям оказывать своим трусливым поведением помощь фашизму в деле усыпления рабочих масс, ничего не получая взамен.

Все свои усилия Муссолини направил с самого начала на достижение соглашения с некоторыми буржуазными партиями. Но никакими особенными успехами в этой области он похвастаться не может. Итальянская буржуазия великолепно учитывает, что Муссолини является верным и надежным защитником ее классовых интересов и что, произведя „октябрьскую революцию“ в Италии, он лишь выполнил волю пославших его, — но буржуазные партии не хотят, чтобы вчерашний наемный слуга превратился в их хозяина. Они приветствовали фашистский переворот, поскольку он внес разложение в рабочий класс и задержал на известный промежуток времени новые попытки социальной революции. Но многие из них не верят, что в наше время диктатура имущих классов может превратиться в явление длительного характера. Этим и объясняется, что до сих пор Муссолини удалось растворить в рядах фашизма лишь весьма близкую им по духу партию националистов. Усилия же, направленные им на то, чтобы привлечь к ответственному сотрудничеству еще и народно-католическую („пополяри“) партию и итальянских либе-

рзлов, потерпели полную неудачу. В первый кабинет даже вошло два члена партии полояри и 1—2 либерала. Но постепенно все они ушли из рядов правительства. Таким образом, в настоящий момент кабинет Муссолини является всецело фашистским. Дольше всех поддерживало фашистов самое правое крыло итальянских либералов, руководимое бывшим премьером Саландра, но в конце прошлого года из правительственных рядов ушли и саландристы.

Наиболее многообещающими пунктами фашистской программы явились возведенные финансово-экономические реформы. С первого дня своего правления Муссолини и его министры наметили следующие радикальные мероприятия в целях поднятия курса итальянской лиры и урегулирования государственного бюджета: крайняя экономия государственных служб путем устранения значительного числа государственных служащих и рабочих, реформы налогового обложения, передача убыточных правительственных предприятий (железные дороги почта, телеграф и телефон) в частные руки, привлечение иностранного капитала и т. д.

Что касается первого пункта финансовой программы,—фашистами, действительно, кое-что было сделано по той простой причине, что любое сокращение можно провести простым росчерком пера,—но в Италии это сокращение отразилось, главным образом, на рабочих и служащих мелкого калибра. Крупные чиновники под сенью фашизма благоденствуют. Что касается многонашумевшего сокращения железнодорожных служащих, то эта мера явилась не чем иным, как неприкрытой расправой со всеми политически неблагонадежными железнодорожниками. Из области „сокращений“ следует отметить еще одно мероприятие, болезненно отра-

жившееся на положении не столько городских, сколько сельско-хозяйственных рабочих. Прежние правительства боролись с безработицей в деревне путем организации за счет казны так называемых общественных работ, но фашисты, как идеологи штрейкбрехерства, не могли примириться с этим. Они обвиняли всегда правительства, организовавшие общественные работы, в том, что они идут на поводу у социалистов, всегда настаивающих на расширении этих работ. Достигши власти, они начали проводить экономию государственных расходов именно с сокращения общественных работ.

Реформа налогового обложения давно входила в планы фашистов. Как наемники буржуазии, они всегда беспокоились о том, что буржуазия платит слишком много налогов, а трудящийся класс уклоняется от них. С первого дня пребывания у власти фашисты заявили, что они добьются „уравнения“ в этом вопросе. Разговоры о пропорциональном обложении, прогрессивно-подходящем налоге и т. д. все это „пустые и ненужные бредни социалистов“; и фашисты поспешили отменить всякое начало пропорциональности в налоговом обложении и ввели налог на заработную плату рабочих и служащих. Это — единственное реальное „благоденствие“, которого дождались трудящиеся массы Италии от фашизма.

Вопрос о передаче железных дорог, почты и телеграфа в частные руки, конечно, свидетельствует о крайней преданности Муссолини интересам частного капитала, — но тем не менее все попытки, сделанные в этом направлении, остаются безуспешными. Привлечь иностранный капитал в Италию почти не удастся. В наши дни иностранный капитал стал достаточно трусливым. Западно-европейские капиталисты, охотно приветствовавшие

эксперимент Муссолини, который, по их мнению, должен был сбить спесь с зарвавшегося рабочего класса, все же отнюдь не могут считать эту страну, в которой клокочет недовольство широких трудящихся масс деспотической политикой правительства, удобным местом для помещения своих капиталов. „Если Муссолини продержится у власти несколько лет,—рассуждают они,— и если ему удастся своими драконовскими мерами поднять экономическую мощь страны, тогда Италия, пожалуй, явится таким местом“. До тех же пор они предпочитают занимать выжидательную позицию.

Даже та грошевая экономия, которой Муссолини добился на первых порах, не смогла облегчить положения государственной казны, ибо налицо осталась область, которой соображения экономии не коснулись. Мы имеем в виду военное ведомство.

Правда, Муссолини произвел некоторое сокращение в составе вооруженных сил Италии, но за счет этих сокращений он произвел крупные расходы в других отраслях военного ведомства. Когда Муссолини стал премьером, он первым долгом устремил свое внимание на так называемую королевскую гвардию, исполнявшую полицейские функции и учрежденную еще при министерстве Нитти, которой он имел основание не доверять. Муссолини пришлось проявить много смелости в деле ликвидации королевской гвардии. Она представляла в Италии такую вольницу, которая не очень склонна была подчиниться приказу об ее упразднении. Муссолини издал декрет о сокращении до минимума состава этой гвардии и о насильственном слиянии ее с карабинерами (регулярная полиция). Ответом на это со стороны королевской гвардии был ряд вспыхнувших бунтов в отдельных казармах и т. д. Однако, с ними Муссолини справился

так же бесцеремонно, как и со своими вчерашними друзьями—фиуманскими легионерами. Далее, Муссолини провел целый ряд реформ в своей фашистской милиции. Реформы эти были направлены к тому, чтобы влить состав этой фашистской милиции в ряды действующей армии и тем обеспечить своим ставленникам преобладающее значение в ней. Военная организация фашистов за это время значительно увеличена. Теперь для каждого фашиста состоять в рядах милиции стало обязательным. Так как фашистская партия открыто существует за счет правительственных сумм, ясно, что вся достигнутая им в других областях грошевая экономия уходит теперь на усиление военной мощи фашистов. Обеспечив фашизму преобладающее влияние в регулярной армии, Муссолини принял ряд мер к увеличению боеспособности последней. Срок службы в Италии увеличен теперь до 18-ти месяцев, что сразу увеличивает численный состав армии. Муссолини также значительно увеличил итальянскую артиллерию и особенно авиационный корпус.

Уже после того, как целиком проявила себя яркая антипролетарская сущность фашизма, многие экономисты продолжали утверждать, что фашизм ведет к увеличению общенационального благосостояния Италии. Однако, за последнее время к такой оценке результатов экономической политики фашизма начинают относиться все более скептически. Последнее полугодие в жизни Италии отмечено резким ростом дороговизны, с одной стороны, и крайне тревожным понижением курса итальянской лиры, докатившейся до 18—20% своей довоенной стоимости,—с другой.

Есть еще ряд весьма показательных признаков в этом отношении. Так, оживление в области тяжелой индустрии, наблюдавшееся в первой четверти

1924 года, когда одних частных акционерных обществ возникло свыше 400 с капиталом в 300 миллионов лир, уравнивается таким явлением, как уменьшение общей суммы частного капитала, вкладываемого в акционерные компании, несмотря на все привилегии, предоставляемые фашистским правительством частному капиталу. Так, в 1920 году общая сумма частного акционерного капитала в Италии составляла 4.834.000.000 лир. в 1923 году—2.088.000.000 лир. Тревожным признаком, рисующим болезненное состояние всего торгово-промышленного аппарата нынешней Италии, является неуклонный рост банкротств. Нужно иметь в виду, что приводимые ниже цифры зарегистрированных банкротств значительно ниже действительных, ибо в Италии весьма распространен обычай „полюбовного улаживания“ всяких подобных катастроф (пример: крупнейший „Банко ди Сконтто“, уладивший дела со своими кредиторами путем уплаты 40%).

	Число банкротств	Среднее число за месяц
1920 г.....	641	53
1921 г.....	1782	148
1922 г.....	4662	305
1923 г.....	5662	473
1924 г. первые 3 мес.	1861	620

Несмотря на необычный рост эмиграции (кроме поисков заработка, при фашистском правительстве мотивом эмиграции, нигде не регистрируемой, является еще политическое преследование), безработица продолжает за последнее время вновь увеличиваться. Набор фашистской милиции и вообще большое поглощение кадров безработных люмпен-пролетариев выросшей фашистской партией

несколько уменьшили число безработных к началу 1923 года. Между тем, с последней четверти 1923 г. безработица вновь возросла.

Сентябрь 1923 года	180.634	безр.
Ноябрь	"	199.694
Декабрь	"	225.093
Январь 1924 года	280.765	"

Серьезное ухудшение положения итальянского рабочего вызывается двумя параллельными факторами: понижением среднего уровня заработной платы при фашистском правительстве и ростом дороговизны, которая, как мы увидим ниже, во второй половине 1924 года приняла катастрофические размеры. Средняя заработная плата итальянского рабочего составляет 15—20 лир (на 30% ниже довоенной, если принять во внимание падение курса лиры). В переводе на итальянские лиры, средний заработок французского рабочего равняется 44 лирам, английского—75 лирам и американского—100 лирам.

Помимо естественных причин (неурожай в Италии и плохие урожаи в странах, вывозящих хлеб), разгром рабочих кооперативов и уклонение фашистского правительства от нормировки цен на продукты первой необходимости привели к необычайному росту частной спекуляции этими продуктами. Увеличение цен на хлеб явилось главным предлогом для поднятия цен на все другие продукты массового потребления. Только за полтора месяца (с 15 сентября по 1-е ноября 1924 года) мы имеем следующую картину роста цен (для Милана):

Хлеб (за кило)	—с 1,80 лир, до	2,10 лир.
Масло (за 100 гр.)	—с 2 лир	2,30 "
Сыр (дешев. сорт)	—с 1 лиры	1,20 "

Оливк. масло (за кило) — с 9 лир до 10,80 лир.
Фасоль (за кило) — с 1,60 лир „ 3,00 лир и т. д.

Эти цифры гораздо ярче и точнее рисуют положение трудящихся масс современной Италии, чем официально прикрашенные данные в отчетах министерства финансов о „блестящем состоянии“ государственных финансов Италии.

Только на почве полного провала финансово-экономической программы фашизма, — в частности, проявившегося и в том, что за все годы фашистского правления накопление сбережений нисколько не увеличилось в стране, и крайнего несоответствия между непрекращающимся вздорожанием жизни, с одной стороны, и понижением заработной платы, с другой, — политический кризис, вызванный, главным образом, убийством Маттеотти, мог принять такие размеры, которые заставляют многих говорить о безвозвратном упадке итальянского фашизма.

Как осторожный политик, Муссолини с самого начала понял, что ему не удастся править страной, совершенно не прибегая к парламентским приемам. Тогда он задумал низвести парламент до такого унижительного состояния, при котором он не мог бы представлять серьезных препятствий для фашистской диктатуры, обеспечивая вместе с тем некоторое внешнее „приличие“ для заграницы. Проведенная Муссолини избирательная реформа сразу же обрела итальянский парламент на то, что фашистское большинство в нем должно было стать неизбежным. Эта реформа опиралась на так называемую мажоритарную систему, которая, обеспечивая большинство правящей партии, целиком отдаст в ее распоряжение партии, получившие меньшинство. Апрельские выборы 1924 года цели-

ком оправдали планы Муссолини. Безудержный террор, проведенный фашистами на местах, привел к тому, что парламент поневоле должен был превратиться в их руках в жалкую погремушку; и, тем не менее, парламент не давал спокойно спать фашизму, как трибуна, с которой раздавались обличительные речи против правящей партии.

Одним из наиболее смелых разоблачителей итальянского фашизма был социалист Маттеотти, — несмотря на то, что по своим взглядам он примыкал к умеренному социализму и до самой смерти оставался секретарем унитарной (объединенной) социалистической партии Италии. К этому времени среди самого фашизма началось расслоение. В то время, как провинциальные царьки фашизма и члены полуправильных бандитских организаций настаивали на том, что фашизм должен идти до победного конца, абсолютно не считаясь ни с какими нормами правового порядка, — отдельные голоса более благоразумных фашистов раздавались в пользу смягчения внутренней политики фашизма. Муссолини, долгое время делавший вид, что его симпатии принадлежат умеренному крылу фашизма и неоднократно возвещавший возвращение к нормам конституционного права (пресловутая „нормализация“!), на самом деле, покровительствовал крайнему крылу провинциального фашизма. Возможные новые разоблачения со стороны Маттеотти, о чем много говорилось в газетах, решили его участь. 10-го июня 1924 года Маттеотти был похищен среди белого дня шайкой, состоявшей из 5—6 фашистов, — и спустя несколько недель труп его найден был в лесных зарослях, в окрестностях Рима. Это неслыханное преступление, весть о котором облетела весь мир, разоблачила до конца всю закулисную мерзость и уголовщину, царившие в фашистских

рядах. Одно время, казалось, заколебался и сам Муссолини, взволнованным тоном заявивший в парламенте, что только его заклятые враги могли совершить это убийство, и обещавший беспристрастное расследование этого дела. Но парламентская оппозиция, выказавшая полное недоверие этим заявлениям, оказалась правой. Каждый шаг следствия доставлял все новые доказательства того, что нити от убийц ведут в кабинеты высших сановников фашизма. И совсем еще недавно один из привлеченных по делу об убийстве Matteotti выпустил мемуары, в которых громогласно заявляет, что о подготовлявшемся убийстве Matteotti был осведомлен и сам Муссолини...

Следует отметить, что оппозиция различным образом реагировала на убийство Matteotti. Все демократическо-буржуазные партии, вплоть до социалистов-соглашателей, решили ответить на убийство Matteotti бойкотом парламента впредь до возвращения страны к конституционным гарантиям. Эти партии сорвали объявленную, по предложению коммунистической партии, забастовку. И до сих пор этот раскол продолжает делить антифашистскую оппозицию Италии на два резко обособленных лагеря. В то время, как рабочее крыло оппозиции убеждено в том, что пролетариат Италии должен свести свои счета с кровавым фашистским режимом за стенами парламента, — буржуазно-соглашательская часть оппозиции намерена свести эти счета в стенах парламента, при первом удобном случае перейдя от бойкота палаты к органической работе в ее стенах.

Разумеется, это глубокое различие лежит не в различной оценке убийства Matteotti, а в том коренном разногласии, которое вызвано непроходимой пропастью между устремлениями рабочего

класса Италии и мечтами итальянской буржуазии. Заключительным звеном борьбы с фашизмом для первых является социальная революция Италии; что же касается буржуазных партий, то, как об этом недавно совершенно откровенно заявил лидер буржуазной оппозиции Амендола, ее гораздо больше страшит призраком социальной революции, чем фашизм.

Во всяком случае, политические последствия убийства Маттеотти явились для фашизма довольно серьезными. Они повели к полной изоляции фашизма от всех буржуазных партий. Вслед за убийством Маттеотти от Муссолини откололись и все национально-патриотические организации — „союзы бывших участников войны“, „инвалиды“ и т. д., насчитывающие в Италии сотни тысяч членов и пользующиеся огромным престижем в стране. Самым тяжким ударом для фашизма следует считать отход от него „бывших участников войны“. Не надо забывать, что в свое время они были использованы Муссолини, как платформа для завоевания популярности в широких патриотических кругах Италии. Муссолини приложил все свои усилия к тому, чтобы внести раскол в эту организацию и не допустить ее разрыва с фашизмом. Однако, эти попытки закончились неудачно. В настоящее время фашистская партия и эти национально-патриотические организации представляют собою враждебные лагеря. Возможно, разумеется, что ценою небольших взаимных уступок они смогут опять объединиться, но это уже будет зависеть от ближайшей политической конъюнктуры в Италии. Тем временем и в рядах фашистской партии продолжается процесс расслоения. В момент, когда мы пишем эту главу, успех как будто бы на стороне крайних элементов, заставивших Муссолини взять твердый курс по

отношению к оппозиции. Генеральным секретарем партии избран вождь крайних фашистов Фариначчи, взявший на себя официальную защиту главнейших убийц Маттеотти. После своего избрания этот господин имел наглость произнести речь, в которой заявил, что в настоящий момент все надежды оппозиции возложены на процесс Маттеотти, но этим надеждам не суждено оправдаться. Процесс Маттеотти, по словам Фариначчи, приведет лишь к возвеличению престижа фашистской партии и к вящему посрамлению оппозиции (!).

Ближайшее будущее покажет, правильно ли учел Фариначчи положение в современной Италии, поработанной фашистскими бандами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

„Фашизм — движение юности“

Вожди и теоретики итальянского фашизма любят утверждать: „Фашизм—движение физической силы и юности“. Пьетро Горголини в своей книге „Фашизм итальянской жизни“, которую „сам“ господин Муссолини признал драгоценнейшим перлом фашистской литературы, заявляет, что „фашистская молодежь является сердцем, спинным мозгом, самыми живыми соками всего движения“. Добрую половину популярности лидера движения, Муссолини, автор приписывает тому, что Муссолини до сих пор сохранил юношескую бодрость ¹⁾ и отвагу.

Кроме того, Муссолини известен своим пристрастием к фехтованию, авиации и к различным другим видам спорта.

Сравнивая Муссолини и престарелого Джоелитти, как двух кандидатов на премьерский пост, Горголини заявлял, что, помимо тех или иных политических соображений, преимущество должно быть отдано „юному“ премьеру, Муссолини, ко-

¹⁾ Муссолини в настоящее время 42 г.

торый будет прилетать в палату на аэроплане, управляемом им самим, перед старцем Джиолитти, которого... пришлось бы туда таскать на носилках!

Официальный гимн фашистов, который они распевают, отправляясь на свои торжества или карательные экспедиции, — песнь молодежи, начинающаяся высоко поэтическими словами:

„Giovinezza, giovinezza,
Primavera di bellezza!“
(„Юности, юности
Прекрасная весна!“)

Генерал Луиджи Кадорна, один из трех „первосвятителей“ фашистского движения (двумя другими принято считать лидера партии Муссолини и знаменитого поэта Г. д'Аннунцио), на другой день после того, как фашистам удалось захватить в свои руки государственную власть, заявил в газетном интервью, что он ни минуты не сомневался в том, что славная итальянская молодежь, сражавшаяся за великую Италию, не потерпит дальнейшего издевательства над национальными идеалами. Таким образом, победу фашизма в октябре 1922 года бравый генерал расценивает исключительно, как победу фашистской молодежи. Ту же мысль проводит Муссолини в своей телеграмме к другому „святителю фашизма“ — Габриэле д'Аннунцио, в которой новый премьер Италии высказывал твердую надежду на то, что его соратник по фашизму д'Аннунцио приедет, чтобы лично поздравить „доблестную молодежь“ с победой.

В наиболее необузданном и склонном к невероятной-цветистой фразеологии органе итальянских фашистов „Империо“ мы совсем недавно прочли

в статье, посвященной идеологии итальянского фашизма, следующие строки:

„Наша цель—империя гения, искусства, силы, неравенства, красоты, ума, элегантности, оригинальности,—империя, расцвеченная цветами фантазии. Эта империя будет антисоциалистической, антиклерикальной и антитрадиционной. В ней будет место всем свободам и всему прогрессу, но в рамках абсолютного патриотизма. Ею будет управлять лучший из итальянцев, без парламента, с помощью технического совета, составленного исключительно из молодежи“.

Оставляя в стороне сделанный уже выше разбор фашистской программы, мы обращаем внимание на последнее предложение, дышащее явной ненавистью к „старикам“,—по мнению фашистских теоретиков, окончательно подорвавших свой авторитет в глазах масс неумелым управлением страной. Из этих слов можно заключить, что в глазах фашистов вся молодежь в целом является символом антикоммунистической реакции. Такая уверенность могла зародиться в их умах, естественно, лишь после соответствующей обработки тех кадров молодежи, которые, в силу ряда социально-политических условий послевоенного времени, примкнули к фашизму.

II

„Союзы молодежи“ у фашистов

К тому моменту, когда составлялись статуты фашистской партии, участие молодежи в фашистском движении, хотя уже и имело огромное значение, но не было оформлено в виде существования обособленных, самостоятельных организаций молодежи. Фашистская молодежь входила в состав общих связок на местах. Но главари партии и—

в первую голову—Муссолини уже обратили тогда внимание на то, что молодежь нужно организовывать в особые юношеские секции.

В уставе национальной фашистской партии мы находим следующую схему устава юношеских организаций фашизма:

(Приводим ее полностью, так как в настоящее время эта схема стала обязательной для всех существующих юношеских организаций фашистов.)

Ст. 1. В целях вовлечения юных сил, духовно втянутых в орбиту ее действий и ее пропаганды, национальная фашистская партия принимает меры к учреждению авангарда фашистской молодежи. Секции авангарда фашистской молодежи ставят своей задачей—поддерживать работу связок и направлять юношество на изучение вопросов, близко касающихся жизни и развития нации.

Ст. 2. Каждая связка должна озаботиться в ближайший же срок организацией в пределах территории, на которую распространяется ее влияние, авангарда фашистской молодежи, составляющего первое звено связи для всех фашистов, достигших 15-летнего и не перешедших за 18-летний возраст.

Ст. 3. Связки, не имеющие возможности приступить к немедленной организации этого первого звена, за отсутствием налицо элементов данного возраста, должны немедленно развить энергичную пропаганду, имеющую целью привлечь к себе таковые элементы, и затем приступить к организации юношеской секции из числа записавшихся членов.

Ст. 4. Вследствие изложенного правление национальной партии фашистов сим постановляет, что все существующие в разных городах секции так-называемого студенческого авангарда должны

немедленно переформироваться в авангард фашистской молодежи.

Ст. 5. Секции авангарда фашистской молодежи должны организоваться и функционировать на тех же самых основаниях, на которые опирается конституция и деятельность местных связей. Та же схема статута будет действительна для секций молодежи,—разумеется, если она будет соответственно переделана, принимая во внимание, что в них входят только юноши от 15 до 18 лет.

Ст. 6. В виде исключения и с утверждения в каждом отдельном случае правлением местных связей, в авангарды фашистской молодежи смогут входить также и те фашисты, которые уже перешли за 18-летний возраст, но могут внести в юношескую организацию свою долю опытности, способности, серьезности и подать благой пример более юным товарищам.

Ст. 7. Правление авангарда молодежи подчиняется правлению местной связки. Секретарь авангарда молодежи принимает участие в заседаниях правления местной связки в каждом отдельном случае, когда разбираются вопросы, могущие интересовать юношескую организацию.

Ст. 8. Авангард фашистской молодежи содержится на счет взносов членов, записанных в него, а также средств, которые могут быть ему предоставлены местной связкой в виде субсидий. Административным управлением авангарда ведает специальный секретарь, выделяемый правлением авангарда, но находящийся под контролем правления местной связки.

Ст. 9. Организация юношеского авангарда в общенациональном масштабе и ее деятельность регулируются следующими органами:

а) Центральный комитет. Центральный комитет избирается национальным конгрессом авангардов и обычно собирается раз в полгода. В него входит по одному представителю от тех областей, в каждой из которых находится, по меньшей мере, десять регулярных сконструированных и работающих авангардов.

б) Исполнительный совет. Он состоит из семи членов, избранных из числа членов авангарда того города, где помещается правление национальной партии фашистов. Члены исполнительного совета входят по праву в центральный комитет авангардов. Совет собирается, по меньшей мере, один раз в две недели.

в) Секретариат. Канцелярия секретариата молодежи состоит из генерального секретаря, одного административного служащего, а иногда и вице-секретаря. Они назначаются по указанию центрального комитета авангарда; официальные же назначения их исходят от правления национальной партии фашистов. Канцелярия секретариата помещается при генеральном секретариате партии и работает под его непосредственным контролем.

Ст. 10. Центральный комитет представляет собой правящий орган авангардов, являясь прямым выразителем воли авангардистов, каковые, избирая его, наделяют его властью для осуществления заданий и директив, содержащихся в постановлениях конгрессов молодежи и входящих в общий план деятельности национальной партии фашистов.

Ст. 11. Исполнительный совет при помощи секретариата проводит дело национальной организации секций и координирует их совместную деятельность, а также все распоряжения высших ин-

станций, имеющие целью способствовать планомерному развитию движения.

Ст. 12. Генеральный секретарь авангардов принимает участие в заседаниях центрального комитета партии с правом решающего голоса по вопросам, непосредственно интересующим юношеские организации.

Ст. 13. Устанавливаются определенные значки, которые должны будут приобрести все члены авангарда. Для авангардистов также установлена особая вышивка.

Значки и вышивки выдаются канцелярией авангардов секциям молодежи, которые их затребуют за соответствующий взнос (далее указываются цены).

Приведенная схема устава молодежи принята центральным комитетом временно. Решено было оставить ее в силе до созыва конгресса авангарда фашистской молодежи, имевшего состояться в конце 1922 года. Конгресс молодежи уже состоялся после захвата государственной власти фашистами,—и приведенная выше схема считается ныне утвержденной.

Устав юношеских организаций фашистов свидетельствует о том, что вся организация партии построена на палочной дисциплине. Как видно из этого устава, молодежи не предоставляется никакой свободы и никакой особенной инициативы. Она должна слепо повиноваться директивам взрослых фашистов, и самостоятельность ее, а также весь юношеский пыл используются только во время карательных экспедиций, где ей предоставляется полная свобода насильничать и безобразничать во славу „великих заветов“ фашизма.

III

Жестокость фашистской молодежи.

Помещики и фабриканты Италии с восторгом приветствовали зарождение фашистского движения, которое должно было им принести избавление от „красной тирании“. Прежде всего, они поспешили прийти на помощь господину Муссолини и его бандам всеми доступными им способами. Лиги аграриев всюду и везде превратились в гостеприимные убежища для фашистских шаек. Городская буржуазия субсидировала фашистов деньгами. Но, разумеется, самую главную помощь фашизму городская и аграрная буржуазия оказала предоставлением в его распоряжение живой силы и—в первую очередь—своих сыновей.

Мы уже отмечали, что фашизм любит всюду выставлять себя движением юности и силы. Это утверждение безусловно имеет под собою почву. Если вы обратите внимание на те иллюстрации, которые часто появляются в журналах в целях увековечения фашистских подвигов, то вы увидите, что участники фашистских процессий и карательных экспедиций состоят преимущественно из молодежи. Как и в революционных кадрах, так и в стане рабовладельцев нашего времени—фашистов, молодежь занимает самые боевые посты, и если в революционных рядах молодежь мужественно бьется и жертвует своей жизнью во имя раскрепощения трудящихся масс, то действующая в их рядах—с присущей ей прямолинейностью—фашистская молодежь, ослепленная бессовестными плутами итальянского национализма и продажными слугами

капитала, отличается необычайной жестокостью в преследовании своих классовых врагов.

Особенной жестокостью в деле преследования трудящихся масс прославились сынки помещиков, всегда под знаменем фашизма руководившие подавлением забастовок сельско-хозяйственных рабочих. Эта молодежь, по большей части, проводящая зимнее время в городе, где она обучается в средних или высших учебных заведениях, весной возвращается на каникулярное время в родные поместья и здесь превращается в активных членов аграрных лиг, руководя усмирением „бунтующих“ крестьян.

Посмотрим, как „жила и работала“ фашистская молодежь на заре зарождения фашистского движения, когда о нем еще было трудно говорить, как об организованной партии. Фашизм тогда впервые начал применять в борьбе своеобразный „метод прямого действия“, который выражался в том, что они охотно бросали все свои силы на организацию карательных экспедиций против взбунтовавшихся крестьян или батраков, а также на вербовку штрейкбрехеров для борьбы с забастовками.

Чтобы не заслужить обвинения в использовании пристрастных авторов из лагеря коммунистов или социалистов, мы предпочитаем в данном случае прибегнуть к свидетельству человека, которого, напротив, можно обвинить лишь в пристрастии к фашизму. Мы имеем в виду старого, настроенного в определенно реакционном духе, правого либерала—Марио Миссироли, автора книги „Фашизм и итальянский кризис“, который дает в ней весьма красноречивые описания деятельности первых фашистов по подавлению на шумевшего аграрного восстания в Феррарском округе.

Если послушать Миссироли, после раскола, происшедшего в рядах социалистической партии,

массы, охваченные разочарованием в социалистической программе, стали искать новых путей борьбы. Вот тут-то и зародился впервые фашизм. Таким образом, Миссироли рассматривает фашизм, как результат поисков нового мировоззрения, которым занялись после событий 1919—1920 года люди, разочаровавшиеся в социализме. По его словам, эти неустанные поиски нового мировоззрения и новых способов борьбы особенно болезненно переживались итальянской молодежью. Он упрекает взрослых в том, что они покинули молодежь в столь критический период. Война и революция внесли смятение в юные сердца, но юношам не с кем было говорить, не с кем было посоветоваться.

„А между тем,—рассуждает Миссироли,—жизнь не стояла на месте. Литературный и вообще духовный багаж нашей молодежи был слишком недостаточен для того, чтобы, при помощи его, они могли справиться с бедой... Достаточно было бы прислушаться к их разговорам в кофейнях, чтобы почувствовать, что в мозгах их происходит брожение, зарождаются какие-то новые идеи... А, между тем, вся живая и здоровая сила нашей нации заключалась в этой молодежи. Разочаровавшись в социализме, чувствуя себя покинутыми буржуазией и непонятыми официальной культурой, эти юноши поспешили углубиться в себя самих". На смену коллективистическому мировоззрению, таким образом, по мнению автора, явилось укрепление индивидуализма.

„Но никто из нас не может долго жить в круге узко-эгоистических переживаний,—заявляет М. Миссироли,—и потому все эти юноши, из которых многие с нетерпением ждали революции, но не дождались ее, резко повернули вспять к старым

традициям и впереди всего поставили дело возвышения нации“.

Переходя, однако, к попыткам дать определение фашизма, Миссироли попадает в крайне затруднительное положение. Он не может подыскать подходящего определения этого движения. Он утверждает только, что одинаково ошибочно причислять это движение к явлениям чисто идеалистического и романтического характера или считать фашизм „белой гвардией, состоящей на откупу у крупной промышленности и банков“. Найти истинную сущность его гораздо сложнее, ибо фашизм слишком быстро развивается и слишком часто меняет окраску.

Тем не менее, Миссироли несколькими страницами ниже, дав описание славных подвигов фашистской молодежи во время подавления крестьянского восстания в Феррарском округе, сопровождает его следующими, весьма недвусмысленными, комментариями. Желая найти хоть некоторое извинение буржуазной молодежи, травившей собаками восставших крестьян и батраков, разорявшей их жилища, избивавшей их до полусмерти, а иногда и до смерти, своими дубинками, вводившей местами крепостное право и принудительное вступление в фашистские ячейки, Миссироли прибегает к сравнению жестокостей, совершенных обоими сторонами, т.-е. бастовавшими батраками, отстаивавшими свои законные права, и нападавшими на них помещиками.

„Если социалистически-настроенные крестьяне,— говорит он,— и прибегали иногда к преступлениям в борьбе, наша гражданская совесть находила себе утешение в том, что массы, под влиянием воспитания, смогут, хоть медленно, но все же неизбежно, с течением времени возвыситься над нынешним

низким моральным уровнем, проистекающим из жестоких инстинктов и эгоизма“.

„Но мы не находим никакого извинения, никакого утешения, когда подумаем о насилии, заранее обдуманном и всегда прибегавшем к оружию, практиковавшемся бессердечной буржуазией, которой ее безграничное превосходство в смысле образования, воспитания нравов, обеспеченной жизни и т. д. не мешало не только убивать, но—что еще хуже—подвергать людей мучительству и издевательствам. Горький пессимизм охватывает нашу душу при мысли о том, что двухтысячелетняя эра христианства почти ни на иоту не изменила психологии человека в его отношении к другим людям. Невыносимая тревога и беспокойство овладевают нами при виде безотрадной действительности, свидетельствующей о том, что личные выгоды или интересы класса могут толкнуть человека на братоубийство. Если действия членов лиги (крестьянской) должны вызывать осуждение, то о карательной экспедиции, руководимой юными студентами или лицеистами юношами, обучающимися в наших школах и университетах, читавшими, несомненно, Кардуччи и с волнением декламировавшими „Божественную комедию“, можно подумать только с крайним отчаянием в душе. Много раз я, думая в последнее время о многих моих друзьях, фашистах, вспоминал о том, как они, сидя со мной на одной университетской скамье, читали со мной же вместе Карлейля или чувствительный роман Вернера—и никогда при этом не могли скрыть охватывавшего их глубокого волнения... Я вспоминал также—не без улыбки—как реагировали они на чтение Леопарди и ми-

тиков, и никак не могу понять, как они решились вступить на путь кровавой мести и пыток. Как могут они вступать в борьбу с рабочим, который лишь по складам и не без труда может прочесть стихи Данте, заученные нами на память? Или—поставить себя на одну доску с батраком или каким-либо председателем крестьянской лиги, имея в кармане диплом, а в недавнем прошлом—величайшее счастье изучить Паскаля и Кардуччи, Ричи и Ориани.—Я никогда не мог понять, как это происходит, что превосходство в культурном отношении не может продиктовать человеку отказа от земных материальных благ; каким образом сознание человека, стоящего на самой верхушке социальной лестницы, не заставляет его воздержаться от боевой схватки с теми, кто стоит на самой низкой ступени ее“.

Марио Миссироли—слишком опытный и старый журналист, чтобы мы могли поверить искренности его недоумения. Он прекрасно понимает, что такое классовая борьба, и почему знание наизусть „Божественной комедии“ нисколько не препятствует помещику выступать на защиту частной собственности и засекаать на смерть того батрака, который будет склонять своих товарищей к организации забастовки у этого помещика или даже только участвовать в ней. Один из выдающихся фашистских деятелей, Баранчини, в своей речи, произнесенной в палате, т.-е. перед лицом мира, открыто в 1923 г. хвастал тем, что он собственноручно сек „бунтовавших рабочих“. И разве кто-либо из депутатов либеральной фракции, т.-е. партийных единомышленников Миссироли, выступил со словом осуждения по адресу этого негодяя или, по крайней мере, прекратил подавать ему руку? Миссироли прекрасно знает, что именно в этом противоречии между

показной культурой и рабовладельческими инстинктами господ образованных помещиков и фабрикантов, как в капле воды, отражается вся безграничная низость и бесчеловечность современного капиталистического строя. Поэтому — грош цена всем этим лирическим излияниям старого либерального болтуна и друга многих господ Баранчини, собственноручно секших рабочих... Возможно, что именно с Баранчини они вместе проливали слезы над Данте и Вертером, но ни одной слезы... хотя бы гнева или негодования Миссироли не пролил над рабством трудящихся масс Италии, в которое их обратили фашисты.

IV

Фашистская школа.

Итак, боевым авангардом фашизма, представляющего собою не что иное, как белую гвардию, состоящую на откупу у помещиков, крупной промышленности и банков, является буржуазная молодежь. Разумеется, классовые интересы являются тем главным фактором, который толкает эту молодежь в ряды фашистской партии. Но для того, чтобы она могла проявить в борьбе такую исключительную жестокость, которая заставляет задумываться даже многих идеологов буржуазного строя, нужно, чтобы эта молодежь была предварительно развращена не только постоянным воздействием своей социальной среды, но и получаемыми ею специфическими воспитанием и образованием.

Кроме Миссироли, мы находим свидетельство об этих подвигах фашистской молодежи не только у „нейтральных“ авторов, но и у многих откровенных друзей фашизма. Так, в марте 1923 года

в одном из парижских журналов („Correspondant“, 15) была напечатана статья, восхвалявшая итальянский фашизм, под названием „Фашистская революция в Италии“. Автор этой статьи, между прочим, говорит:

„Было бы смешно пытаться, как некоторые уже делали, представить фашистскую молодежь святыми херувимами. Они очень часто позволяли себе поступки, весьма мало заслуживавшие похвалы“.

И, дальше, автор перечисляет все приемы борьбы, употребляющиеся фашистами—и в первую голову фашистской молодежью—против трудящихся масс: тут и избиения, индивидуальные, коллективные, разгром частных жилищ, сожжение ферм, кружков, лиг, изгнание законно выбранных депутатов из местных муниципалитетов, высылки, самовольные аресты, пытки пугем вливания в горло огромного количества касторового масла и т. д. Другой защитник фашизма профессор Мичелли, в своей книге „Фашистская партия и ее роль в Италии“ (Милан, 1924 г.), перечисляя все опасности, угрожающие фашизму, говорит о том, что отсутствие дисциплины и индивидуалистические устремления являются крупными недостатками итальянского характера. Эти опасные черты дали себя знать и в рядах фашистской партии. Недаром противники фашизма видят его разложение в целом ряде насилий, произведенных фашистами в явное нарушение партийного устава и дисциплины.

„Но,—говорит Мичелли,—если бы мы хотели объективно разобраться в этих фактах, то нам необходимо было бы подумать над тем, что мы имеем дело с партией не только юной, но и состоящей по большей части из юношества, т. е. из элементов, пышущих своей безграничной

энергией и получивших свой закал в течение последних лет—сначала в борьбе с внешним врагом, а затем с внутренним“.

В дальнейших своих рассуждениях Мичелли говорит о том, что эта особенность фашистской партии накладывает отпечаток на всю ее деятельность.

То, что говорит фашистский профессор Мичелли, повторяют все его коллеги. Ясно, что такие объяснения накладывают и своеобразный отпечаток на всю фашистскую программу воспитания и образования юношества. С самого начала в основу воспитания кладется безнаказанность; насилия по отношению к „внутреннему врагу“, очень часто диктуемые своекорыстными целями или извращенными стремлениями буржуазной молодежи, возводятся на степень патриотического подвига. Чтобы окончательно засорить мозги фашистской молодежи, на помощь была призвана религия.

Первым делом фашистского министра народного просвещения, профессора Джентиле,—кстати, его деятельность до последнего времени не переставали восхвалять наши белогвардейцы в своей берлинской газете „Руль“,—было, по его выражению, „вернуть школе короля и бога“. В этом явлении—вся сущность фашистского просвещения.

Так, в своем уставе фашистская партия настаивает на создании „исключительно национального типа элементарной школы, которая могла бы готовить—в физическом и моральном отношении—будущих итальянских солдат, для каковой цели требуется строгий контроль со стороны государства над школьными программами, подбором учителей, их произведениями, в особенности в тех коммунах, где господствуют антинациональные партии“.

И далее:

„Педагогические школы должны строиться на тех же началах, что и школы, для которых они готовят будущих преподавателей. В виду этого, необходимо добиться строго-национального характера тех институтов, из которых выходят преподаватели даже для низших школ“.

Любопытно, что при организации промышленных и сельско-хозяйственных учебных заведений фашистская программа ставит своей целью создать „технический класс, средний между исполнителями (т. е., рабочими) и директорами производства“.

Средняя школа должна, по мнению фашистских теоретиков, носить строго-классический характер. Необходимо ввести обучение латинскому языку—„так, чтобы французский язык не был больше единственным вспомогательным языком“.

Разумеется, ни на кого так не действуют все пышные парады, знаки, одеяния, вся шумиха высокопарных фраз и призывы к классической доблести предков, которые пускаются в ход фашистами, как на молодежь, подготовленную к этому соответствующим патриотическим воспитанием.

Можно не сомневаться в одном, — а именно, в том, что классическое воспитание, во всяком случае, дало фашистской молодежи возможность усвоить одну из блестящих традиций классического Рима: бесчеловечную жестокость и безграничное презрение к неимущим классам.

Университеты—оплот фашизма.

С момента зарождения фашизма итальянские университеты стали превращаться в оплот реакции. Молодежь, которая в Италии была раньше носительницей революционных идей (она была всегда с Гарибальди и Мадзини против угнетателей Италии и билась в передовых рядах за ее освобождение, а в период роста рабочего движения в Италии всегда наполняла ряды социалистических партий и революционных синдикатов), под влиянием сдвига, произведенного империалистской войной, а также непосредственных классовых интересов, в значительной массе своей повернула вправо и встала под реакционное знамя фашизма. Университеты стали гостеприимным убежищем всех темных сил, вдохновляющих реакцию.

Из этого, однако, не следует, что тлетворное влияние фашизма не коснулось и рабочей молодежи. Помимо страшного бича безработицы, способной всегда толкнуть малосознательные элементы пролетариата в объятия реакции, здесь, несомненно, сказалось развращающее влияние империалистской войны. Война развивает культ физической силы за счет духовного развития человека, обесценивает в его глазах жизнь врага, культивирует хитрость, вероломство и предательство. Армия в капиталистическом государстве вносит моральное разложение в души ее участников еще институтом отличий, орденов, чинов и другими видами соперничества за власть над людьми и влияние. Многие молодые люди вернулись с войны с опустошенными душами. За 2—3 года сиде-

ния в окопах многие из них отвыкли от мирного труда и учебных занятий. Им пришлось по душе ремесло офицеров,—трудно было расставаться с погонами и отличиями. А между тем, фашистская милиция гостеприимно раскрывала перед ними двери в свои ряды. Молодой человек, бывший конторщик или учитель, а то и рабочий, вернувшись с войны в чине лейтенанта, очень быстро мог в рядах фашистской армии дослужиться до генеральского звания. С материальной стороны фашистская партия также вполне обеспечивала каждого вновь вступившего члена. Как только молодой человек облакался в черную блузу и вступал в местную связку взрослых или юных фашистов, бич безработицы уже переставал быть для него страшным. Все члены фашистских связок получают от своих организаций оружие и содержание... по ставкам местных профсоюзов.

Но если рабочая и наименее обеспеченная часть мелкобуржуазной молодежи была вовлечена в организацию фашистской партии, как слепое механическое орудие классовой борьбы, направленное против их же братьев,—то зато вполне сознательными творцами фашистской идеологии явились те „ученые“, на плечи которых ложится почтенная „задача защиты итальянской культуры“.

А мы знаем, что буржуазия всех времен и народов понимала под защитой культуры охрану своих классовых привилегий, лицемерно изображая рабочий класс врагом всяких духовных ценностей,—в том числе науки, искусства и т. д.

Большая часть итальянских университетов, руководимая подобными защитниками „заветов культуры“, превратилась в настоящие полицейские участки, в цитадели капиталистической реакции, обративших свои орудия в сторону рабочего класса.

Достаточно привести такой пример: в самом начале расцвета итальянского фашизма целых две трети слушателей миланского политехникума (по большей части сыновей помещиков и фабрикантов) уже принимали активное участие в подавлении рабочих и крестьянских волнений!

Следует отметить речь „самого“ Муссолини, обращенную им к студентам Падуанского университета 2-го июня 1923 года в ответ на раболопную встречу, устроенную ему профессорами и студентами этого учебного заведения.

Отметив в начале своей речи, что студенты Италии были всегда в авангарде сражений, Муссолини поспешил засвидетельствовать буржуазной молодежи благодарность от имени фашистской партии:

„Мы никогда не забудем, что из университетов вышли тысячи юношей, которые, нарядившись в черные блузы, выступили в определенный момент на улицу и положили конец деятельности бесчестных политических плутов, — юношей, которые, схватив за шиворот своими мощными руками всех отживших проходимцев и авантюристов, столкнули их с дороги и заставили уступить свое место новым поколениям итальянского народа“.

В заключение Муссолини высказал уверенность, что до тех пор, пока в Италии будут университеты и будет молодежь, которая будет посещать эти университеты, будущее Италии обеспечено. За всем прошлым молодежь прочно захлопнула двери. Пока существуют университеты, нация — в полной безопасности: в нужный момент они выступят на защиту ее национального величия.

Наговорив еще кучу комплиментов буржуазной молодежи, Муссолини предложил студентам вместе

спеть традиционную университетскую песню „Га деамус“¹⁾, заявив, что этот студенческий гим является символом правопорядка и патриотизма.

VI

Задачи пролетарской молодежи.

Здесь Муссолини безусловно прав: поскольку фашизм является движением крупной буржуазии, направленным к увековечению ее классовых привилегий, осуществляемых ею при помощи мелкой буржуазии, а также путем ослепления наиболее невежественной и забитой части рабочего класса и крестьянства,—лучшим выразителем фашистской идеологии может и должен явиться тесный союз между капиталистом, буржуазным ученым и попом. Капитал, финансировавший все фашистские организации и, в заключение, помогший своре ренегатов и уголовных бандитов пробраться к государственной власти,—профессор, с высоты своей кафедры лицемерно возвещающий о том, что фашизм призван спасти буржуазную культуру, основанную на высоких „идеалистических“ ценностях от варварского нашествия коммунизма и материализма,—религиозные проповедники, обещающие трудящимся массам небесное блаженство в награду за покорность земным властям и существующему буржуазному строю,—этот почтенный триумvirат и является оплотом того порабощения, которое международный фашизм несет трудящимся массам всего мира.

¹⁾ Студенческая песня на латинском языке,—теперь гимп реакционного студенчества.

Один из первых писателей, выступивших против итальянского фашизма, анархист Луиджи Фабри озаглавил свою книгу: „Превентивная контр-революция“. Впоследствии это название стало прививаться повсюду фашизму. Сами фашисты не возражали против него, внося в него лишь то изменение, что свое движение они гордо именуют „революцией“, а всякие попытки коммунистов и других революционеров, направленные к свержению фашистской деспотии, называют „контр-революцией“. Но, во всяком случае, они согласны с тем, что их основной задачей является „предупреждение“ социальной революции в Италии. В целях осуществления этой задачи они и приложили все свои силы к тому, чтобы обескровить и в конце обессилить рабочий класс систематическими преследованиями, террором, разгромом его организаций и т. д. В известной степени им это удалось. Когда вспыхнуло в 1920 году мощное движение металлистов северной Италии, приведшее к захвату ими фабрик и заводов, но впоследствии гнусно преданное реформистами, — все ожидали, что Италия будет той страной, которая первая после России успешно завершит дело социальной революции. Наступившая фашистская реакция надолго задержала осуществление этих надежд.

Но, тем не менее, фашизм запоздал. Мировая война до основания расшатала капиталистический строй, особенно тяжким бременем последствия войны легли не только на пролетариат, но и на ту часть мелкой буржуазии, которая оказалась выбитой из колеи и заняла во многих европейских странах колеблющуюся позицию: то идя в ногу с реформистским социализмом, то переходя целиком на сторону крайней капиталистической реакции. Под сенью реформизма буржуазии в ряде целых

стран удалось на время задержать социальную революцию, но ей не удалось предупредить рождение мощного коммунистического движения, все более и более спланивающего в одну солидарную семью трудящихся всего мира. Несмотря на бушующую, почти повсеместно в современной Европе реакцию, — не вырваны с корнем и другие ветви международного революционного движения, как например, — революционный синдикализм. С этими врагами приходится считаться в первую голову и итальянскому фашизму.

Если капиталистической реакции всякими правдами и неправдами, насилием и обманом удалось завербовать в свои ряды часть ослепленной и невежественной рабочей молодежи, — это завоевание перестает быть прочным с момента возникновения международного коммунистического движения. В момент решительной схватки между отрядами социальной революции и фашистской реакцией, даже самая забитая и ослепленная часть рабочей молодежи не будет, не сможет быть надежной попутчицей реакции.

В этом сознании рабочая молодежь всего мира — лучшая надежда международного революционного движения — должна черпать свои надежды и свою энергию. Фашистская молодежь Италии суждена на поражение с того момента, как в Италии зародилась первая организация революционной молодежи. Только на время фашистская реакция могла внести известное затемнение в классовое самосознание рабочей молодежи Италии; только угрозами, насилием и беззастенчивыми софизмами она могла загнать ее под шутовские значки своих погромных отрядов.

Напрягая свою мужественную пропаганду до пределов, неустанно разъясняя рабоче-крестьянской

молодежи всю лживую сущность фашистской идеологии, призванной лишь прикрывать голую звериную борьбу обанкротившейся крупной буржуазии за ее дальнейшее существование и сохранение своих привилегий,—союзы рабочей молодежи добьются того, что из-под шутовских фашистских знамен уйдут все те, чьи классовые интересы и пролетарское сознание ясно подскажет им, что они должны находиться по другую сторону баррикады.

И тогда задача „предупреждения“ социальной революции в Италии, как и в других странах, будет сорвана. По одну сторону останется кучка „золотой“ университетской молодежи, папенькиных и маменькиных сынков, отчаянно борющихся за свое право на паразитическое существование в современном обществе, а с другой—многомиллионные кадры трудящейся молодежи, призванные своими руками построить новый мир свободы и равенства для всех.

Жалкой мишурой покажутся тогда слова всех фашистских поэтов и писак о том, что черные отряды насильников и бандитов, обагряющих невинной кровью трудящихся цветущие поля и города благословенной Италии, являются воплощением... радостной весны. С глубокой ненавистью проводит тогда трудящийся люд в могилу мрачную затею величайшего из предателей рабочего класса во всем мире—бывшего социалистического лидера Муссолини—и, вздохнув полной грудью, встретит истинную весну—обновленной жизни освобожденного человечества.

ОБЪЯСНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

- Авиационный корпус** — воздушные аппараты военного ведомства.
Абсолютный — полный, предельный.
Авангард — передний ряд, передовой отряд.
Автономный — независимый от центральной власти.
Авторитетный — внушающий уважение.
Аграрий — крупный землевладелец.
Активный — деятельный.
Акционерная компания — предприятие, основной капитал которого, со ставлен по частям; каждая часть называется акцией; отсюда каждый участник предприятия — акционер.
- Антанта (или страны согласия)** — союз Франции, Англии, Италии, Бельгии, выросший во время мировой войны. Отсюда: антантофильский, т.-е. стоящий за Антанту.
- Анти-коммунизм** — движение, направленное против коммунизма.
- Антипод** — житель противоположной точки земного шара (в переносном смысле: противоположность).
- Баланс** — равновесие (в бухгалтерии: сравнение прихода и расхода).
- Блок** — временное соглашение двух или нескольких политических партий.
- Бойкот** — мера борьбы с кем-либо, состоящая в том, что с ним не вступают ни в какие отношения. Бойкот помещиков в Италии заключался в отказе идти к ним на работу.
- Ватикан** — место пребывания папы римского.
Гараж — сарай для хранения автомобилей.

Декламация	— выразительное чтение.
Деликатный	— изящный.
Демагог	— человек, льстящий массам, „подыгрывающийся“ под их тон.
Демобилизация	— отмена мобилизации, переход на мирное положение.
Джентльмен	— господин, барин.
Директива	— наказ.
Дефект	— недостаток.
Догмат	— твердыя, неизменяемый закон или обряд.
Деспотия (тирания)	— неограниченная, жестокая власть.
Деморализация	— упадок нравов.
Замаскировать	— скрыть.
Изоляция	— одиночество, отчужденность; отсюда и <i>изолированный</i> — отделенный от других.
Инстинкт	— врожденное чувство.
Институт	— ученое или учебное заведение (дословно: учреждение).
Индивидуум	— отдельная личность; индивидуализм — учение, отводящее исключительное значение в жизни личности, человеческому „я“.
Интрига	— подвох, козни.
Инсценировать	— подстроить.
Инициатива	— почин.
Идейный	— честный, бескорыстный; идейное начало — начало мысли.
Игнорировать	— не замечать кого-либо, — не считаться с кем-либо.
Интервенция	— вмешательство в чужие дела.
Идеализм	— (отсюда: идеалистический) — учение, объясняющее все происходящее исключительно борьбой идей.
Интервью	— беседа, напечатанная в газете.
Индустрия	— фабричная промышленность.
Ирридента	— движение за освобождение народов, испытывающих национальное угнетение.
Категорически	— окончательно.
Карьеризм	— стремление добраться до высших чинов и должностей.
Коллективизм	— учение, противоположное индивидуализму, во главу угла ставящее коллектив, т.е. не личность, а группу или класс. Отсюда — <i>коллективный договор</i> , т.е. договор, заключенный в целях защиты интересов целого коллектива.

Конгресс	— съезд.
Конкретный	— осязаемый.
Конвенция	— соглашение между двумя или несколькими державами.
Конспиративный	— потаенный, прячущийся в подполье.
Компромисс	— частичная уступка.
Кондоттьери	— так назывались в средние века наемные воины, отличавшиеся всегда и всюду грабительскими наклонностями.
Конъюнктура	— сумма обстоятельств, обстановка.
Координировать	— согласовать
Култ	— вера, обожание.
Консорциум	— тесное объединение из нескольких предпринимателей или промышленников, созданное для проведения вообще разных торгово-промышленных планов.
Компетентный	— понимающий, имеющий право распорядиться в данной области.
Лойальный	— законопослушный.
Лидер	— вожак.
Легализм	— борьба законными средствами.
Локаут	— массовое увольнение рабочих — одно из могучих средств буржуазии в борьбе с рабочим классом.
Лепта	— греческая монета (в переносном смысле: доля, участие).
Лейтенант	— поручик.
Латифундия	— огромное поместье.
Лэди	— госпожа, барыня.
Материализм	— мировоззрение, объясняющее все не борьбой идей, а соотношением материальных сил разных классов.
Максимум	— наибольшее количество.
Минимум	— наименьшее количество.
Мажоритарная	— система выборов, при которых победившей партии отдается подавляющее большинство голосов, сводящее на нет все голосование остальных партий.
Моральный	— нравственный.
Монополия	— исключительное право.
Муниципализация	— передача в собственность городу.
Максималисты	— крайнее крыло итальянских социалистов.
Мания величия	— болезнь, при которой человек считает себя каким-то центром земного шара.

Марионетка	— кукла, которую можно сзади дергать за веревочку.
Норма	— установленный предел. Отсюда: норма — установка — установление предельного количества или цены распределяемого продукта или товара.
Нормализация	— упорядочение.
Национализация	— передача в собственность нации, государству.
Органический	— неразрывно связанный.
Оригинальный	— выделяющийся из окружающей среды.
Опереточный	— смехотворный.
Окупированный	— занятый врагом.
Платформа	— политическая программа.
Пессимизм	— взгляд на жизнь, видящий все в мрачном свете (противоположность ему: оптимизм).
Профилактический	— предварительный.
Паразитический	— питающийся чужими соками.
Предпосылка	— необходимые условия.
Популярный	— общественный или общедоступный.
Претендовать	— требовать (отсюда: претензия — требование).
Протекторат	— опека сильного государства над слабым, при которой последнее почти всегда теряет свою независимость.
Публицист	— лицо, пишущее в газетах или журналах по общественным вопросам.
Позиция	— занимаемо: место (в переносном смысле: точка зрения).
Привилегия	— льгота.
Паника	— страх, напрасная тревога.
Престиж	— данного лица или государства — удельный вес его, степень внушаемого им к себе уважения.
Протекционизм	— покровительственная система, при которой государство берет под свою опеку ту или иную отрасль промышленности или торговли.
Пропорция	— соотношение.
Рахитизм	— слабосилие (от слова „рахит“ — детская болезнь).
Ратификация	— утверждение.
Ресурсы	— средства.

Романтический	— наполовину выдуманный, рожденный мечтой.
Реагировать	— отвечать.
Реформизм	— движение, стремящееся к завоеванию мелких улучшений законным, а не революционным путем (отсюда реформист).
Специфический	— особенный, своеобразный.
Субидия	— денежная поддержка.
Синцентрировать	— собрать воедино.
Статут	— устав.
Секция	— отдел.
Скептицизм	— склонность к сомнению.
Синструировать	— построить.
Социализация	— передача в собственность всему коллективу трудящихся.
Солидарность	— взаимная поддержка.
Синдикат	— имеет два смысла: союз промышленников определенной отрасли или профсоюз; отсюда: синдикализм — движение, проповедующее объединение рабочих по видам профессии.
Структура	— устройство.
Стадия	— известный промежуток времени или известное состояние какого-либо явления.
Софизм	— лживое, хитроумное объяснение.
Традиция	— обычай, привычка.
Триумvirат	— союз трех.
Тирания	— (см. деспотия).
Турист	— путешественник.
Тройственный союз	— так назывался союз Германии, Австрии и Италии, распавшийся с вступлением мировой войны.
Фактор	— действующая причина.
Федерация	— союз, объединение (в рабочем движении на Западе — союз синдикатов).
Франция	— часть партии.
Финансировать	— поддерживать своими деньгами.
Фехтование	— искусство драться на шпагах.
Функция	— присвоенная обязанность.
Финансовый капитал	— так называется капитал, не вкладываемый в промышленность, а отдаваемый в рост банками.
Характерный	— особенный, примечательный.

- Четверная коалиция** — союз Германии, Австрии, Болгарии и Турции, выступавший против Антанты.
- Циничный** — несдержанный, неприличный.
- Цивилизация** — сумма умственных и нравственных достижений нынешнего человека, отличающих его от первобытного состояния.
- Цитадель** — крепость.
- Шэдевр** — выдающееся произведение в литературе или искусстве.
- Эра** — известный промежуток времени в истории.
- Элементарный** — начальный.
- Эмигрант** — человек, покидающий родину.
- Экстенсивный** — пространственный, поверхностный.
- Эмблема** — изображение.
- Эксперт** — сведущее лицо.
- Эксперимент** — опыт.
- Энтузиазм** — восторженное, приподнятое настроение.
- Эволюция** — изменение.
- Экономический террор** — покушение и порча имущества во время забастовок или восстаний против хозяев фабрик и заводов.
- Элегантный** — изящный.
- Эгоизм** — себялюбие (отсюда: эгоист, — думающий лишь об удовлетворении собственных потребностей).
- Экономический кризис** — временное расстройство в торгово-промышленной жизни страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию.....	3
Предисловие ко второму изданию.....	5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Общее положение Италии перед войной. — Земледельческие классы.....	9
2. Судьбы итальянской промышленности. — Подъем рабочего движения. — Зарождение фашизма в городах.....	26
3. Фашизм под маской патриотизма. — Спор о Фиуме. — Роль д'Аннунцио. — Военно-патриотические организации.....	35
4. Бенито Муссолини, как основатель фашизма.....	41
5. Программа фашистской партии. — Фашистский синдикализм.....	47
6. Организационная структура партии. — Фашистская милиция.....	55
7. Расцвет фашизма. — Черный „октябрь“.....	62
8. Итоги пребывания фашистов у власти. — Убийство Маттеотти.....	77

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. „Фашизм — движение юности“.....	94
2. „Союзы молодежи“ у фашистов.....	96
3. Жестокость фашистской молодежи.....	101
4. Фашистская школа.....	107
5. Университеты — оплот фашизма.....	111
6. Задачи пролетарской молодежи.....	114
Объяснение иностранных слов.....	119

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК РЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
== **ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ** ==

Москва, Новая площадь, дом 6/8. == Телефон 3-91-93.

НА СКЛАДАХ И В МАГАЗИНАХ ИЗД-ВА
**БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ И ПИОНЕРОВ**

ПОДБОР комсомол., пионерск., ленинск.,
по профдвиж. и деревен. **БИБЛИОТЕК**
ИХ ПОСТОЯННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЫ:
„СМЕНА“, „ПИОНЕР“, „КИМ“,
„ВОЖАТЫЙ“, „ЮНГВАЛД“,
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ЗНАЧКИ: „КИМ“ и „БУДЬ ГОТОВ“
РАЗНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Высылка наложенным платежом по
получении 30 % стоимости заказа

ПРИ ЗАКАЗЕ НА ЛИТЕРАТУРУ БОЛЕЕ ЧЕМ НА 3 руб.,
== ПРИ ВЫСЫЛКЕ ДЕНЕГ ВПЕРЕД, ==

пересылка за счет Издательства и скидка

БЫСТРОЕ И АККУРАТНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

== Заказы направлять почтовому отделу Издательства: ==
Москва, Новая площадь, дом 6/8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК РЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

== **ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ** ==

Москва, Новая площадь, дом 6/8. — Телефон 3-91-96.

**ВСЕ КОМСОМОЛЬЦЫ ДЕРЕВНИ
ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ**

о всех постановлениях и решениях 3-го Всероссийского Съезда Советов, его решениях по крестьянскому вопросу, о промышленности, о тех задачах, которые поставлены Съездом на очередь работы сельских советов.

**ВСЕ КОМСОМОЛЬЦЫ ДЕРЕВНИ
ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ,**

какие задачи поставлены последними съездами партии и Советов по работе комсомола на селе. Это они найдут в 2-х следующих книгах:

СБОРНИК. — „ДЕРЕВЕНСКИМ КОМСОМОЛЬЦАМ О СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ“.

Цена 25 коп.

Д. ХАНИН. — „К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ РАБОТЫ РЛКСМ В ДЕРЕВНЕ“. Цена 30 коп.

Высылка производится наложенным платежом, по получении задатка 30% общей стоимости заказа.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗ-ВА

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, дом 6/8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК РЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Новая площадь, дом 6/8. — Телефон № 3-91-96, 1-81-01

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Орган ЦК РКП и РЛКСМ

На 1 год — 12 ном.....	9 р. 35 к.
» 6 мес.— 6 »	4 » 95 »
» 3 » — 3 »	3 » 55 »

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
„СМЕНА“

На 1 год — 24 ном.....	5 р. 60 к.
» 6 мес.— 12 »	2 » 95 »
» 3 » — 6 »	1 » 55 »
» 1 » — 2 »	— » 60 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„КИМ“

Орган Исполкома КИМ'а
Бюллетень ИККИМ и ЦК РЛКСМ

На 6 мес.....	1 р. 95 к.
» 3 »	1 » — »
» 1 »	— » 60 »

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„ВОЖАТЫИ“

Руковод. орган ЦБ коммунистических детских групп Юных
Пионеров им. В. И. ЛЕНИНА

На 1 год — 24 ном.	4 р. 65 к.
» 6 мес.— 12 »	2 » 45 »
» 3 » — 6 »	» 25 »
» 1 » — 2 »	— » 50 »

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК РЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Новая площадь, дом 6/8. — Телефон № 3-91-96; 1-81-01.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПИОНЕР“

На 1 год — 24 ном.....	5 р. 60 к.
» 6 мес. — 12 »	2 » 25 »
» 3 » — 6 »	1 » 55 »
» 1 » — 2 »	— » 60 »

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ЮНГВАЛД“

Орган ЦБ Евсенций при ЦК РЛКСМ

На 12 мес.....	2 р. 80 к.
» 3 »	— » 75 »
» 1 »	— » 30 »

**МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ,
КОМСОМОЛЬЦЫ и ПИОНЕРЫ,
УЧАЩИЕСЯ и СЛУЖАЩИЕ,
ВЫ ДОЛЖНЫ ПОДПИСАТЬСЯ на ЖУРНАЛ МОЛОДЕЖИ**

До какого времени вы подписались на журнал?
НЕ ЗАБУДЬТЕ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСАМ:

Москва, Изд-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», Почтовый
Отдел, Новая пл., д. № 6/8.

» Книжный магазин «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»,
Неглинный пр., д. № 6.

» Магазин «Пионер» — Тверская ул., дом № 37.

Ленинград, Книжн. магазин «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»,
пр. 25 Октября, д. № 54.

1914
The following is a list of the
names of the persons who
were present at the
meeting of the
Board of Directors
of the
Company
held on
the
10th day of
January
1914
at
the
City of
New York
New York

7350
Цена 45 коп.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСАМ:

МОСКВА, Новая площадь, д. № 6/8

Торговый Отдел Издательства и в Отделения:

ЛЕНИНГРАД — Проспект 25-го Октября, 54

ХАРЬКОВ — Троицкий пер., 2

РОСТОВ н/Д. — Проспект им. Подбельского 15.